

Первые заморозки

Автор:

[Сара Аллен](#)

Первые заморозки

Сара Эдисон Аллен

Сестры Уэверли #2

Каждая женщина в роду Уэверли обладает магическим даром. Клер умеет готовить из цветов волшебные леденцы, а ее сестра Сидни делает искусные стрижки, способные необъяснимым образом перевернуть жизнь человека. У пятнадцатилетней Бэй, дочери Сидни, особый талант – она точно знает, на каком месте должна находиться та или иная вещь.

И вот приходит долгожданный октябрь с его первыми заморозками, которые в семье Уэверли отмечают как праздник, в саду – как обычно! – зацветает старая яблоня, и в доме наступают перемены. Но к лучшему ли они? В городе появляется загадочный незнакомец, который уверяет Клер, что она вовсе не принадлежит к семье Уэверли, поэтому ее дар – ненастоящий. Предприятие по производству чудесных леденцов оказывается под угрозой...

Впервые на русском языке!

Сара Эдисон Аллен

Первые заморозки

Sarah Addison Allen

FIRST FROST

Copyright © 2014 by Sarah Addison Allen

All rights reserved

© И. Тетерина, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство Иностранка®

* * *

Чудесной Андреа Кирилло за веру в странную книжечку про сад

Глава 1

Бэй Уэверли-Хопкинс мчалась по Пендленд-стрит; рюкзак подпрыгивал за плечами, темные волосы летели за спиной, как стая черных дроздов. Хозяева окрестных домов всегда точно знали, когда она пробегает мимо, потому что их охватывало внезапное желание навести порядок в ящике с носками и заменить уже наконец перегоревшие лампочки, до которых все никак не доходили руки. Надо бы заняться наведением порядка, дружно думали они каждый день, когда Бэй после уроков спешила из школы домой. Но стоило ей пропасть из виду, как их мысли быстро возвращались в прежнюю колею: что приготовить на обед, почему муж в последнее время ходит мрачнее тучи и не подождет ли стирка до

завтра.

До дома Уэверли оставалось всего ничего, и Бэй припустила еще быстрее. Это был старый затейливый особняк в стиле королевы Анны, с огибающей его широкой террасой и – что Бэй нравилось в нем больше всего – причудливой башенкой с одной стороны. Этот дом появился в округе первым – в самом конце девятнадцатого века, еще даже до того, как был основан Орионовский колледж. В те стародавние времена, когда городок Бэском в Северной Каролине представлял собой не что иное, как перевалочный пункт на пути следования тех, кто стремился на запад, в горы. Все остальные дома на улице были построены уже позже, явно в подражание дому Уэверли, но сравниться с ним не мог ни один. Во всяком случае, в глазах Бэй.

Лестницу от тротуара к дому Бэй проигнорировала и бросилась бежать вверх по крутому зеленому склону, оскальзываясь на влажной после вчерашнего ливня траве. Резкий ветер, похоже, наконец принес в Бэском осень – без всякого предупреждения, точно в один взмах метлы. Ее холодное дыхание уже ясно чувствовалось в воздухе, и всюду были влажные опавшие листья: они лежали во дворах, на тротуарах, на проезжей части, налипали на машины. Казалось, весь мир припорошило смесью коричневого сахара и корицы.

Бэй повесила рюкзак на сук тюльпанового дерева во дворе и, не дождавшись даже, пока он перестанет качаться, через две ступеньки взлетела на крыльцо и распахнула дверь.

Пусть во внешнем мире и наступила наконец осень, в стенах дома Уэверли по-прежнему пахло летом. Сегодня был день лимонной вербены, и дом наполнился сладковато-терпким ароматом, который навел на мысли о пикниках на свежем воздухе и белых облачках в форме сердца.

Может, все это была лишь игра ее воображения, но Бэй всегда казалось, что дом каждый раз слегка прихорашивается при ее появлении: мутные окна начинают блестеть чуть ярче, а покрывала на диванах сами собой расправляются. Мама говорила, Бэй слишком уж его любит, прямо как прабабушка Мэри. Сама Бэй прабабушку Мэри не застала и все же отчетливо понимала: в устах ее матери это отнюдь не комплимент. Мама, хотя и выросла в этом доме, никогда не чувствовала себя в нем по-настоящему своей.

Все еще пытаюсь отдышаться после пробежки по осеннему холоду, Бэй прошла через переднюю в гостиную, обставленную старой мебелью еще тех времен, когда прабабушка Мэри держала здесь пансион. Оттуда направилась в просторную кухню, оборудованную по последнему слову техники. Подошвы ее кроссовок, почти скрытых под обтрепанными штанинами мешковатых джинсов, закрипели на натертом полу.

В воздухе висели клубы приторно пахнущего пара. У плиты (их здесь было несколько) Бэй обнаружила свою тихую тетю Клер; ее короткие темные волосы были забраны разномастными заколками, явно позаимствованными у Марии, девятилетней дочери Клер. За этим самым занятием в этой самой застывшей позе Бэй видела свою тетку последние четыре месяца: она помешивала все в тех же медных тазах смесь сахара, воды и кукурузного сиропа и разливала ее по все тем же формочкам.

Когда-то у тети Клер был вполне успешный бизнес по организации и обслуживанию банкетов, «Уэверли кейтеринг». О том, что Клер умела готовить из съедобных цветов, растущих вокруг кривой яблони на заднем дворе, ходили легенды. Все знали: если поручить Клер праздничный стол к юбилею, она сделает чесночный майонез с настурцией и бутоны тюльпанов, начиненные апельсиновым салатом, так что гости будут расходиться по домам, испытывая одновременно зависть и возбуждение. А если заказать у нее угощение ко дню рождения ребенка, она подаст крошечные, на один укус, клубничные кексики с засахаренными фиалками, от которых дети все как один будут примерно себя вести и хорошо спать днем. Еда, приготовленная руками Клер, обретала поистине волшебные свойства, когда она добавляла в нее свои цветы. В роду Уэверли женщины вообще были не такие, как все, но Клер уродилась самой необычной в их семье необычностей. И Бэй это очень в ней нравилось.

Но когда Клер чуть менее года назад организовала «Сласти Уэверли», все изменилось. Всю прошлую зиму Клер отчаянно искала средство, которое помогло бы вылечить вечно больное горло дочери, из-за чего та постоянно ходила без голоса и вынуждена была пропускать занятия в школе. Когда Мария заболела, в воздухе повисало буквально-таки осязаемое напряжение, как будто дом ломал руки. В один из таких дней, когда Клер не находила себе места от волнения за снова заболевшую ларингитом дочку, она услышала, как в ее кабинете, примыкавшем к кухне, что-то упало. И когда она пошла посмотреть, что случилось, то увидела на полу один из старых кухонных дневников бабушки. В нем-то Клер и нашла тот самый рецепт леденцов: он гнезвился между

страницами с описанием способа отвадить от сада переливчатых зеленых букашек и списком ингредиентов для торта, приманивавшего мужей.

Леденцы исцелили больное горло дочери Клер, после чего весь город задался целью непременно попробовать новинку. Ведь во всем, что исходило от Уэверли, просто обязано было проявляться что-то необычное. Когда мамыши из школы прослышали про леденцы, они начали появляться на пороге у Клер в два часа ночи: им требовалось волшебное снадобье, способное облегчить боль в горле, что не давала детям (а следовательно, и их матерям) сомкнуть глаз всю ночь напролет.

К исходу зимы леденцы – нарядные, похожие на драгоценные камни конфетки размером с яйцо крапивника, обсыпанные сахарной пудрой, – стали сначала просить добавлять к заказам на праздничные застолья, которые организовывала Клер, а затем и вовсе заказывать оптом к сладкому столу на выпускных вечерах и свадебных банкетах. Именно на свадьбе Люкса Ланкастера в Гарольд-Мэноре, где в качестве сувенира всем гостям преподнесли подарочные пакетики, в каждом из которых была маленькая баночка лавандовых леденцов с медовой начинкой от Клер, их впервые попробовала кузина Люкса, работавшая в журнале «Жизнь в южном стиле». На обратном пути домой, в Алабаму, она прямо в самолете одним духом накатала статью о магических лиловых карамельках. Слова изливались из нее сплошным потоком. Она практически не помнила, как писала, охваченная эйфорией и чувством легкого опьянения. Стоило статье появиться в журнале, как она мгновенно разлетелась по социальным сетям, и на Клер обрушилась лавина заказов. Теперь, когда слава Клер вышла за пределы Бэскома, всем хотелось побольше узнать об этих странных леденцах и о странной Клер Уэверли, которая их делала.

Когда Клер занималась только организацией банкетов, она нанимала помощников на масштабные торжества, все остальное же делала собственноручно. Ее бизнес был единственно возможным для нее размера, ровно такого, с каким она могла управиться самостоятельно. Теперь же ее леденцы снискали такую известность, что бизнес трещал по швам. Бэй каждый день после школы работала на тетю Клер. Вдобавок Клер наняла еще одного подручного, студента кулинарных курсов при Орионовском колледже, по имени Бастер, и он трудился практически на полную ставку.

И все равно они ничего не успевали.

Переключившись с банкетов на сладости, Клер и сама изменилась. Вид у нее теперь был вечно замученный, она все время только и делала, что работала, а иногда на лице у нее появлялось почти ностальгическое выражение. Однако помощи она никогда ни у кого не просила, и никто не отваживался ее ей предложить. Одной из многочисленных странностей Клер было то, что если она не хотела что-то обсуждать, то способна была замкнуться со стремительностью захлопнувшейся мышеловки.

Когда Бэй в тот день, вернувшись из школы, вошла в кухню, Бастер, по своему обыкновению, разговаривал. Он мог молотить языком часами, заполняя кухню неумолчной болтовней, которая эхом отражалась от покрытых нержавеющей сталью стен.

– Ну, в общем, я ему сказал, что его хлеб никуда не годится, а он мне в ответ: «Тоже мне, король булок нашелся!» Король булок! Подумать только! В субботу мы идем на свидание.

Высокий и полногубый, Бастер коротко стригся и красил концы волос в синий цвет. Заметив наконец, что пришла Бэй, он оторвался от свежеприготовленной порции леденцов, которые посыпал через ситечко сахарной пудрой.

– Привет, красотка. Опять опоздала на свой автобус? Я как раз рассказывал Клер про парня, с которым познакомился на занятии по выпечке хлеба. Терпеть его не могу, но не исключено, что он моя вторая половинка.

– Король булок? – переспросила Бэй. – А что, мне нравится.

– Меня от хлеба уже просто тошнит, честное слово. Скорее бы следующий семестр, будем заниматься мясом. А сегодня что у тебя на футболке написано? – поинтересовался Бастер у Бэй.

Она развернулась лицом к нему, и он прочитал вслух:

– «Лень родилась раньше меня». Ой, я тебя умоляю. Сама уже небось все уроки по дороге в автобусе сделала. Какие у тебя планы на ближайшие выходные? Я слышал, в субботу у вас в школе будет дискотека по случаю Хеллоуина. Уже решила, с кем пойдешь? С кем-то конкретным?

Он многозначительно повел бровями, одна из которых была украшена пирсингом.

Бэй почувствовала, как щеки у нее предательски запылали, поэтому отвернулась и направилась к раковине. Там она тщательно вымыла руки и надела фартук.

Клер все это время наблюдала за племянницей, однако не проронила ни слова. В отличие от ее матери, между Бэй и тетей Клер царило молчаливое взаимопонимание. Клер понимала все про Бэй без всяких слов. Два месяца назад, едва Бэй вошла в кухню после первого дня в десятом классе, перейдя из чистилища средней школы в старшую, Клер сразу же уловила: что-то произошло. Мама тоже это почувствовала, но смутно. Клер же немедленно ухватила суть и без обиняков осведомилась: «Кто он?»

– Нет. Ни с кем я не иду, – бросила Бэй, по-прежнему стоя к Бастеру спиной. – Я обещала помочь с украшением зала.

– С таким лицом – и парни за тобой табунами не бегают? – прищелкнул языком Бастер. – Не понимаю я их.

– Был бы здешний, понимал бы.

– Ой, я тебя умоляю. В этом городе все так говорят, как будто, чтобы что-то понимать, нужно здесь родиться. Я прекрасно все понимаю. Каждый имеет право на свои странности. Ладно, – Бастер обернулся к Клер, снимая фартук, – раз подкрепление прибыло, пойду-ка я на смену на рынок.

– И сколько всего у тебя сейчас работ? – поинтересовалась Бэй.

– Всего три.

– И у тебя еще остается время бегать по свиданиям?

Бастер закатил глаза.

– Ой, можно подумать, это так уж обременительно. Пока, девочки! – бросил он им уже на ходу.

Еще несколько секунд спустя до них донесся его крик из передней:

– Дверь снова не открывается! Я в ловушке! Мне суждено погибнуть в этом доме, так и не изведав истинной любви! А, все. Открылась! Смажьте уже кто-нибудь петли!

Когда входная дверь закрылась, Клер обернулась к Бэй.

– Я тут подумала... Я могла бы кое-что для тебя сделать. Чтобы ты угостила того мальчика, ну, который тебе нравится, – сказала она, старательно избегая произносить вслух его имя. – Испечь мятное печенье и сделать чай с сиропом из жимолости. Мята проясняет мысли, а жимолость помогает видеть. Тогда он точно обратит на тебя внимание.

Бэй покачала головой, хотя уже не раз обдумывала такую возможность. Хотя бы ради того, чтобы тетя Клер снова приготовила бы что-то отличное от леденцов.

– Сомневаюсь, чтобы он стал есть что-то из моих рук. Он поймет, что это приготовила ты.

Клер понимающе кивнула, хотя на лице у нее отразилось легкое разочарование.

Внезапно Бэй прижала ладонь к груди, как будто не могла больше этого выносить. Как будто там, внутри ее грудной клетки, скрывался тугой жилистый узел. Иногда она испытывала настоящую физическую боль.

– И так бывает всегда?

– Тебе лучше поговорить об этом с мамой, – сказала Клер просто, но в глубине ее спокойных карих глаз плескалось сочувствие.

Несмотря на все различия во внешности, в темпераменте, да во всем, Клер с мамой Бэй ежедневно перезванивались. Иногда, зайдя в гостиную, Бэй обнаруживала свою мать, Сидни, листающей журналы с прижатой к уху телефонной трубкой. При этом она не произносила ни слова. Из трубки тоже не доносилось ни звука.

– С кем ты разговариваешь? – спрашивала Бэй.

– С Клер.

– А почему вы обе молчите?

– Мы просто проводим время вместе, – пожимала в ответ плечами мама.

В детстве сестры Уэверли не были особенно близки, теперь же стали просто неразлейвода, как это нередко случается с повзрослевшими братьями и сестрами, когда они осознают, что родственные узы на самом деле вовсе не обязывают поддерживать отношения. Бэй не слишком много знала об их детстве, но из обрывков разговоров, которые ей ребенком удавалось уловить сквозь открытые окна и спрятавшись за диванами – единственным доступным ей способом узнать хоть что-то интересное, – она сделала вывод, что росли они практически сиротами. Их непутевая мать, мятущаяся, пропащая душа, привезла их в дом Уэверли, когда Клер было шесть, а Сидни только родилась. Вырастила девочек их нелюдимая бабка Мэри. Клер приняла наследие Уэверли легко и непринужденно, Сидни же долго и упорно отказывалась признавать, что не такая, как все. И, откровенно говоря, Бэй до сих пор не была уверена, что ее мать, при всей своей необычности, окончательно ее приняла. В том числе и по этой причине Бэй ближе была ее тетка.

Как бы то ни было, рассчитывать на то, что Клер ничего не расскажет сестре про того мальчика, не приходилось.

– Я не думаю, что мама поймет, – сказала Бэй.

– Она поймет. Поверь мне.

– Ты знаешь меня лучше, чем она.

Клер покачала головой:

– Это не так.

Бэй отвернулась и устремила взгляд в окно над раковиной. Задний двор был обнесен высокой решетчатой изгородью, увитой буйно разросшейся жимолостью. Местами она достигала двух футов в толщину и была увенчана, точно кладбищенская ограда, остроконечными декоративными крестоцветами. Яблоню из окна было не видно, но Бэй знала, что она там. Это знание всегда поддерживало и ободряло ее.

- Наконец-то начало холодать. Когда зацветет яблоня? - спросила она.

Осень была единственным временем года, когда странная старая яблоня, росшая на заднем дворе за домом Уэверли, - яблоня, появившаяся там задолго до самого дома, - стояла голой. По никому не понятным причинам яблоня цвела всю зиму, а потом всю весну и часть лета плодоносила маленькими розовыми яблоками. С этой яблоней у Бэй были связаны некоторые самые теплые воспоминания: как она, маленькая, лежит под ее раскидистой кроной, глядя, как Клер работает в саду, а яблоня тем временем забрасывает ее яблоками, точно собака, пытающаяся заставить хозяина поиграть с ней в мячик. Но с приближением осени дерево в одну ночь роняло листву и стояло, жалобно гремя голыми ветвями, пока первые заморозки вновь не возвращали ее к жизни. Ее досада передавалась всему семейству.

- Календарь обещает в этом году первые заморозки на Хеллоуин, - сказала Клер. - Начиная с субботы.

- Что-то поздновато. Даже и не помню, когда в прошлый раз они были так поздно. Ты будешь устраивать праздник? - с надеждой спросила Бэй.

- Ну разумеется, - отозвалась Клер, мимоходом чмокнув племянницу в макушку. Держа в руке медный таз, она принялась разливать по маленьким круглым формочкам терпкий желтый сироп из лимонной вербены, чтобы застыл. - Мы всегда празднуем первые заморозки.

В тот осенний день, когда яблоня зацветала и первые белоснежные лепестки опадали на землю, словно снежинки, Уэверли по традиции собирались в саду, точно выжившие в какой-то чудовищной катастрофе, обнимаясь и смеясь, касаясь лиц и рук друг друга, будто желая удостовериться, что со всеми все в порядке, и радуясь, что все они уцелели и остались в живых. Это было облегчение, возвращение их миру прежнего порядка. В преддверии первых

заморозков всеми ими овладевало какое-то беспокойство; они легко теряли голову, желали недостижимого, отвлекались, становились неловкими и слишком легко поддавались чужому влиянию. Первые заморозки приносили с собой облегчение, так что праздновать их наступление всегда была веская причина.

После этого все становилось на свои места.

Бэй не могла дожидаться, когда этот день наконец наступит.

В последнее время все так запуталось, что до тех пор очень многое могло пойти не так.

Уже смеркалось, когда Бэй, проработав несколько часов бок о бок с теткой, попрощалась с ней и дворами отправилась в город.

В сквере на центральной площади она еще издали заметила незнакомого пожилого мужчину: в одиночестве тот стоял посреди зеленой лужайки с выдавшим видом кожаным чемоданом у ног.

В нем было что-то магнетическое. От него исходило ощущение молчаливой самодостаточной уверенности в себе, как будто, удостоив тебя всего лишь взглядом или улыбкой, он делился с тобой секретом, который – он знал это наверняка – изменит твою жизнь, изменит вообще все. Наверное, он был проповедником. Или политиком. Или торговым агентом.

Бэй ненадолго задумалась. Да, он определенно торговый агент.

Она даже остановилась на своей стороне улицы, чтобы посмотреть на него, чего обыкновенно старалась не делать, поскольку знала: людям от этого становится не по себе. Однажды, когда она слишком долго и пристально смотрела на одну женщину в продуктовой лавке, та вышла из себя и заявила Бэй:

– Мое место рядом с ним. Он собирается уйти от своей жены. Даже не пытайся сказать мне, что это не так.

Это стало для Бэй полнейшей неожиданностью: во-первых, она даже не подозревала, что у Ионы Энгл роман на стороне, а во-вторых, ее внимание всего лишь привлекли травинки у Ионы в волосах – не далее как час назад та кувыркалась на берегу реки с чужим мужем. Но люди неизменно относились к ней с подозрением, поскольку в этом и заключался дар Бэй. Ну или ее проклятие, как сказала бы мама. Бэй всегда знала, где место какой вещи. Точно так же, как тетя Клер обладала даром готовить необычные блюда из съедобных цветов, которые росли в саду Уэверли, а мама – сверхъестественной способностью управляться с волосами: сделанная ее руками стрижка могла необъяснимым образом перевернуть всю жизнь. Бэй же способна была в незнакомом доме убрать столовое серебро в точности в нужный ящик, а на парковке безошибочно определить, к какой машине направляются люди, которых она видела в первый раз в жизни.

Незнакомец меж тем, сунув руки в карманы, невозмутимо разглядывал окрестности: туристические лавки, фонтан на лужайке – место регулярных сборищ студентов Орионовского колледжа. Его заинтересованный взгляд на миг задержался на скульптуре у фонтана, изваянной лучшим студентом факультета искусств этого самого колледжа. Скульптуры каждый год менялись. В этом году это был цементный бюст основателя Орионовского колледжа, Горація Дж. Ориона, восьми футов в высоту и десяти в ширину. Гигантская голова из серого цемента наполовину утопала в траве, так что видна была лишь верхняя ее часть, от носа и выше. Горацій Дж. Орион выглядел так, как будто задумал воскреснуть из мертвых и выглядывал из-под земли, прикидывая, стоит ли игра свеч. По правде говоря, эта исполинская голова в самом центре города представляла собой довольно забавное зрелище. За несколько месяцев с момента ее установки местные жители уже слегка утратили к ней интерес, и все же, когда сплетничать было больше не о чем, она с успехом служила темой для разговора.

Ветер утих, но седые волосы незнакомца и штанины его брюк слегка колыхались, будто он каким-то образом приманивал к себе ветер, примерно как приманивают птиц, что слетаются на зернышки.

Наконец его очень светлые, какие-то серебристые глаза остановились на Бэй. Их разделяла дорога, но, как ни странно, все машины куда-то исчезли. Он улыбнулся, и это оказалось в точности так, как подозревала Бэй. Казалось, он может рассказать ей обо всем, что ей хотелось бы услышать.

– А не подскажите ли вы мне, случайно, – произнес он, – в какой стороне Пендленд-стрит?

Бэй слегка замешкалась, опешив от такого совпадения. Дом Уэверли, откуда она только что пришла, находился как раз на Пендленд-стрит. На этой улице, длинной и извилистой, стояли все самые старые дома в Бэскоме – огромные, еще хранившие следы былого величия дома, привлекавшие к себе туристов. Он мог направляться в любой из них. Бэй покосилась на его потрепанный чемодан. Наверное, ему нужна гостиница.

Она указала назад, туда, откуда только что пришла.

– Благодарю вас, – сказал мужчина.

Будто из ниоткуда снова появились машины, поехали в обоих направлениях по запруженной центральной улице, загораживая Бэй обзор. Она поспешила к ближайшему почтовому ящику и забралась на него, держась за фонарный столб.

Но сквер был уже пуст. Незнакомец исчез.

Бэй собиралась уже слезть с ящика, когда мимо проехал голубой «фиат». Внутри сидели четыре самые мажористые девицы из школы Бэй: Тринити Кейл, Дакота Олсен, Рива Александер и Луиза Хэмиш-Холдем. Луиза высунулась из окна и нараспев прокричала Бэй:

– Мы едем к Джошу! Не хочешь передать ему еще одну записочку?

Бэй, привычная к таким выходкам, только вздохнула, провожая машину взглядом. Потом спрыгнула с почтового ящика и пошла через сквер к салону своей матери.

Добравшись до места, она обнаружила, что мама всецело поглощена разговором с последней клиенткой. Сидни исполнилось тридцать восемь, но выглядела она моложе. Одевалась она весьма смело, предпочитая шорты с полосатыми колготками и винтажные платья пятидесятих годов. Кожа у нее была гладкая и нежная, а волосы она красила в восхитительный оттенок карамели. Как правило. Сегодня Бэй могла бы поклясться, что в них появились новые ядерно-рыжие

пряди, которых еще утром там не было.

Бэй сбросила рюкзак на пол рядом со стойкой, за которой крепко спала в своем кресле Вайолет, новая (и на редкость бестолковая) администраторша. Даже слегка похрапывала. Вытащив из рюкзака потрепанную книжку в мягком переплете, Бэй показала ее матери, потом ткнула большим пальцем в сторону двери и сказала, что пойдет пока почитает на улице.

Сидни кивнула и посмотрела на Бэй взглядом, в котором недвусмысленно читалось «ну когда же ты наконец получишь права». Она уже который месяц капала Бэй на мозг, чтобы та записалась на курсы вождения. Но Бэй не желала учиться водить машину. Если она согласится на это, никто не знает, в какое дурацкое положение она может поставить себя в преддверии первых заморозков. Нет уж, ее вполне устраивает передвигаться на своих двоих, добираться до тети Клер на автобусе, а по вечерам ждать, когда мама освободится после работы.

Избыток свободы – слишком опасная вещь для влюбленной девушки.

– Возьми телефон, – сказала Сидни. – Я позвоню, если освобожусь пораньше.

Неохотно вернувшись к своему рюкзаку, Бэй вытащила оттуда телефон и сунула в карман.

Мама утверждала, что она, наверное, единственный подросток в мире, который не любит разговаривать по телефону. Это было не совсем так. Просто, кроме мамы, ей никто не звонил.

Бэй прошла через сквер, мимолетно задавшись вопросом, куда подевался странный незнакомец. Может, ей стоит вернуться к тете Клер и посмотреть, не к ней ли он направлялся? Но в таком случае она не успела бы дойти до дома Джоша Мэттисона и назад к тому времени, как мама закончит с последней клиенткой.

Поэтому она снова пустилась в путь – по чужим задним дворам, через перелесок, росший вдоль берега холодной реки, где стояли лучшие дома в Бэскоме. Там жил новый ректор Орионовского колледжа, а также кое-кто из врачей. И Мэттисоны, которым принадлежал самый большой строительный комбинат в

штате. Наверное, половина всех передвижных двухсекционных домов в стране изготавливалась здесь, в Бэскоме, людьми, которые жили в этом семикомнатном особняке в тюдоровском стиле. Держась в тени полуоголившихся деревьев, Бэй поднялась на холм, выходящий на лужайку за домом Мэттисонов. Отсюда открывался вид на бассейн, уже укрытый на зиму, а позади него виднелось уличное джакузи с подогревом и открытые двери патио.

На патио уже собралось множество ребят: некоторые сидели в джакузи, другие смотрели телевизор в гостиной, в которую можно было войти прямо с патио. Родители Джоша Мэттисона уехали на месяц, и он пользовался этим на полную катушку. Все слишком старательно пытались выглядеть расслабленными, точно подражая персонажам фильмов. Но правда заключалась в том, что ни один из гостей не был здесь на своем месте.

Взять хотя бы тех девиц из «Фиата». Место Тринити Кейл, чьи родители находились на середине бракоразводного процесса, было во Флориде с бабушкой и дедом. А Дакоте Олсен сейчас больше всего хотелось бы поработать над эссе для поступления в колледж, потому что ее место совершенно определено было в Принстоне. Рива Александер, почти откровенно пухлая, на выступлениях команды черлидерш вечно занимавшая место в основании пирамиды и вечно сидящая на диете, больше всего хотела бы оказаться дома и приготовить что-нибудь вкусненькое. Что же до Луизы Хэмиш-Холдем, тут Бэй не могла сказать, где конкретно ее место, но точно знала: не здесь. Собственно, ровно то же самое можно было сказать и про всю ее школу. Никто из тех, кто в ней учился, не был там на своем месте. Все они находились на пути в другие места. И это сводило Бэй с ума и в то же время делало ее чем-то вроде белой вороны, потому что она-то знала точно, где ее место. Оно было здесь, в Бэскоме.

Рядом с Джошем Мэттисоном.

Она поняла, что ее место здесь, в этом городе, в тот самый момент, едва ее мать вернулась сюда обратно из Сиэтла. Бэй тогда было пять лет. Именно здесь стал явью сон, который Бэй видела давным-давно, – сон, в котором она лежала под старой яблоней в саду Уэверли и все были счастливы, все находились на своих местах. На то, чтобы понять, что она должна быть с Джошем, времени ушло несколько больше. Бэй с Джошем никогда даже не сталкивались – до этого сентября, когда Бэй наконец перешла в старшую школу. Джош в этом году ее оканчивал.

Сейчас Джош сидел на патио за столом, погруженный в оживленный разговор с товарищем по футбольной команде. Он был светловолосый, красивый, остроумный и благородный, но при этом настолько откровенно несчастный, что Бэй только диву давалась, каким образом никто, кроме нее, умудряется этого не замечать. Ощущение несчастья исходило от него, точно дым, как будто он тлел, медленно сгорая изнутри.

Ее место – рядом с ним. Это само по себе мучило. Но знать, что и его место рядом с ней, что он идет по пути, который предназначен не для него, было совершенно убийственно. Более трудной задачи, чем заставить его поверить в это, ей еще не встречалось. Два месяца назад она выставила себя на посмешище, написав ему записку, благодаря чему заработала себе такую репутацию, в какой вовсе не нуждалась. Мало ей было того, что она одна из Уэверли. И теперь она держалась от него на расстоянии.

Бэй наконец поняла: сколько ни пытайся, нельзя заставить другого человека полюбить тебя. Нельзя помешать ему принять неверное решение.

Тут бессильна любая магия.

Клер Уэверли проснулась посреди ночи и зябко поежилась. В открытое окно спальни на втором этаже башенки тянуло холодом. Облако ледяного воздуха висело над кроватью, поблескивая во тьме крошечными белыми звездочками, которые она, казалось, могла потрогать руками.

Клер бесшумно поднялась и, подойдя к окну, убрала доску, которой ее муж, Тайлер, подпер оконную створку, чтобы не закрылась. Ливень, который прошел вчера ночью, наконец-то принес в город, изнывавший от необыкновенно жаркого бабьего лета, долгожданную прохладу. За окном желтели на синем дымчатом фоне расплывчатые пятна фонарей на соседском участке – это была та дымка, которой подергивается теплый стакан, если убрать его в холодильник.

Клер оглянулась на Тайлера: он спал, сбросив одеяло, и от его голой груди волнами исходил жар. Ее муж никогда не мерз. Мало того, он круглый год ходил в «биркенштоках» на босу ногу.

– Мне нужно доделать кое-какие рабочие дела, – произнесла она негромко, почти одними губами, потому что не хотела разбудить его.

Если бы он проснулся, то затащил бы ее обратно в постель, заявив, что дела преспокойно могут подождать до утра.

С этими словами она развернулась и вышла и потому не успела увидеть, как Тайлер открыл глаза.

Но он не стал ее останавливать.

Они были женаты уже почти десять лет, и порой, когда Клер уставала и становилась особенно раздражительной, она задавалась вопросом, почему он до сих пор рядом с ней, почему он по-прежнему так сильно ее любит. Тайлер был не местный – он перебрался в Бэском десять лет назад, когда ему предложили работу в Орионовском колледже (Клер всегда называла эту пору своей жизни Годом, Когда Все Изменилось), – поэтому он не воспринимал особенно всерьез все бэскомские причуды и суеверия. Он никогда не верил в то, что было для остальных жителей Бэскома непреложным фактом: что все женщины семейства Уэверли обладают необъяснимыми странностями. Наоборот, в глубине души Клер знала, что он в это не верит. Он любил в ней то, что вовсе не было необычным. Ее волосы, ее смех, даже ее походку. И это сбивало ее с толку. Она не представляла себя без своего дара. Это был бы уже кто-то совершенно другой. В принадлежности к семейству Уэверли раньше, когда она еще была одна, заключалось в ее собственных глазах ее единственное достоинство.

Она любила мужа так сильно, что слезы выступали у нее на глазах. При одной мысли о том, что она может его потерять, в душе у нее разверзалась бездонная черная пропасть.

Клер на ходу покачала головой. Опять она воображает себе всякие ужасы. Никуда Тайлер не денется. Она знала, что ее муж доволен и счастлив, как лист на ветру, дующем в ту сторону, куда шла Клер. Но она давно поняла – уже после того, как ее перестали мучить сны о том, как ее мать оставляет ее, – если тебя бросили ребенком, ты никогда не сможешь забыть, что люди способны тебя оставить, даже если они вовсе не собираются этого делать.

Дойдя до конца коридора, Клер остановилась и заглянула в спальню к их дочери Марии. Ее окно тоже оказалось открыто. Мария спала точно в такой же позе, как Тайлер, разбросав руки и ноги, как будто ей снилось, что она плавает в теплой воде. В ней было так много от ее отца и так мало от самой Клер, что порой у Клер возникало такое чувство, будто она любит еще одну частицу его, не имеющую к ней самой ровным счетом никакого отношения.

Она на ходу нагнулась и подняла дочкин балетный костюм и рюкзак. Огляделась по сторонам, до глубины души проникаясь уверенностью в том, что ее ребенок – такой, как все. Она ощущала это точно подсказку к решению кроссворда, которая была для нее самой пустым звуком. Мария потребовала выкрасить стены ее комнаты в розовый цвет, ярко-розовый, как глазурь на арбузном торте. Она потребовала белую мебель и стеганое одеяло, как у принцессы. Ей не нужны были ни старые обои, ни антикварная мебель, ни самодельные лоскутные одеяла. Дочь Клер занималась балетом и гимнастикой и получала приглашения на дни рождения и ночевки от подружек. И подружек этих у нее было пруд пруди. Не далее как на этой неделе она сообщила Клер, что у нее появилась новая лучшая подружка, которую зовут Эм, и, кроме как об этой Эм, разговаривать она теперь была не в состоянии решительно ни о чем. Такая нормальность была для всех Уэверли чем-то недостижимым. И тем не менее Мария была такой же нормальной, как и ее отец, такой же довольной жизнью и так же не замечала никаких странностей Клер и ее дома, как и он.

Решительным движением Клер закрыла окно. Мысли ее уже были заняты тем, что требуется сделать внизу. Во-первых, проверить, что все пятничные заказы разложены по коробкам и промаркированы. Во-вторых, ответить на деловые письма и сохранить их в папке с черновиками, а потом отправить в рабочее время, чтобы никто не узнал, что в два часа ночи она не спит, тревожась о вещах, о которых тревожиться вовсе не обязательно.

Все только и говорили о «Сластях Уэверли», о том, как быстро они расширяются, какую славу они приносят Бэскому. Когда Тайлер узнал, какую прибыль они получили за лето, он, вскинув брови, одобрительно заметил, что с новым бизнесом им определенно можно не тревожиться об оплате колледжа для Марии. И даже Клер вынуждена была признать, что это захватывающее ощущение – впервые видеть имя Уэверли на этикетках для леденцов. Незнакомое доселе, но приятное ощущение под ложечкой в тот миг, когда она осознала, что где-то там есть несчетное количество людей, которые покупают что-то, сделанное ее руками. Ее, Клер. Одной из Уэверли. В отличие от тех

времен, когда она занималась организацией банкетов, теперь о ее таланте узнали не только те, кто был знаком с ней лично, но и совершенно чужие люди, которые раньше слыхом о ней не слыхивали. У нее было такое чувство, будто она стоит на пороге чего-то большого, а ей отнюдь не было чуждо честолюбие. Напротив, перспектива грядущего успеха завладела ею полностью, и она бросила все свои силы на изготовление леденцов. Как гордилась бы ею бабушка! Мэри была крайне нелюдима и продавала свои товары – мятное желе, пироги с заварным кремом и вино из розовой герани – только тем, кто приходил к ней с черного хода, как будто это был их общий секрет.

Но первые заморозки неотвратимо надвигались, предвещающая их приближение неопределенность становилась все более ощутимой, и все труднее было отрицать, что положение дел в «Сластях Уэверли» не может оставаться прежним.

Когда после выхода статьи в «Жизни в южном стиле» на Клер обрушился вал заказов, она перестала успевать собственноручно готовить цветочные эссенции, которыми ароматизировала свои леденцы. Спрос намного превышал скромные возможности ее сада, поэтому ей пришлось очень быстро принять решение закупать эти эссенции на стороне, а не делать самостоятельно.

И никто ничего не заметил.

В полном соответствии с тем, что было заявлено на этикетках на обороте круглых жестяных банок, леденцы с лимонной вербеной по-прежнему успокаивающе действовали на детей и смягчали боль в горле. Леденцы с лавандой по-прежнему делали людей счастливыми. И все по-прежнему утверждали, что леденцы из лепестков роз пробуждают воспоминания о первой любви.

Однако теперь в ее леденцах не было ровным счетом ничего из сада Уэверли, этого мистического источника чуда, что Клер считала за непреложную истину.

В мгновения слабости она ловила себя на мысли: а вдруг все это неправда? Вдруг Тайлер был прав и Уэверли считались странными только потому, что молва об этом переходила из поколения в поколение, а причина всему – то, что они случайно поселились в доме по соседству с яблоней, которая цвела не тогда, когда все нормальные яблони? А вдруг малышка Клер, оставленная здесь в

детстве, цепляющаяся за фартук бабушки Мэри, ухватилась за миф о странности ее семьи просто потому, что отчаянно нуждалась в корнях? А вдруг цветы в их саду – самые что ни на есть обыкновенные? И она сама – тоже? Вместо того чтобы ревностно оберегать семейную славу загадочной местной достопримечательности, как это делала бабушка Мэри, она отдала ее на потребу широкой публике. Ей захотелось большей известности, захотелось, чтобы больше людей узнало о ее даре, будто чем шире его слава, тем реальнее он сам. Но теперь она начала задаваться вопросом, не выдала ли она секрет, который доверила ей бабушка.

Усугублялось все тем, что в эту пору года Клер острее всего ощущала тоску по бабушке Мэри. Ей было двадцать четыре, когда той не стало. С тех пор миновало уже двадцать лет, но она до сих пор иногда чувствовала запах бабушкиного инжирно-перечного хлеба, а порой ее охватывало необъяснимое ощущение, что бабушка Мэри по-прежнему где-то рядом, – когда коробка со скисшим молоком сама собой переворачивалась в раковину или миски на полке за ночь умудрялись каким-то образом выстроиться по цветам. Клер не хватало той естественности, которая ощущалась во всем при бабушке, той приземленности.

Она отвернулась от окна, уже собираясь идти на кухню. Потом, чуть помедлив, снова повернулась. На другой стороне улицы, на тротуаре перед домом миссис Крановски, она вроде бы заметила какую-то тень. Она прищурилась, почти прижавшись носом к стеклу, и тень мало-помалу начала обретать форму.

В темноте между двумя фонарями кто-то стоял. Он был высокого роста и одет во что-то светлое, вроде серого костюма. И у него были седые волосы. Все прочее оставалось неразличимо в темноте, как будто кожа незнакомца была невидимой.

Его взгляд был определенно устремлен на их дом.

Клер еще раз убедилась, что окно Марии заперто, потом быстро спустилась на первый этаж и вытащила из ящика стола фонарик.

Она отперла дверь и, открыв ее, вышла на крыльцо. Босым ступням на ледяном полу немедленно стало холодно.

На той стороне улицы никого не было.

– Кто здесь? – окликнула она.

Потом включила фонарь и направила луч на лужайку перед крыльцом. Легкий ветерок подхватил опавшие листья и закружил в воздухе с шелестом, похожим на шорох книжных страниц в тишине библиотечного зала. В доме миссис Крановски несколько раз гавкнул пес. Затем все вновь утихло.

Но в воздухе вдруг повеяло чем-то знакомым, чем-то, что она никак не могла определить, какой-то смесью сигаретного дыма, крепкого пива, пота и, как это ни странно, дешевого вишневого блеска для губ.

По опыту Клер ничто в жизни не случилось просто так. Вот и сейчас Клер почувствовала, как по спине у нее пробежал холодок. Видение этого мужчины явилось ей неспроста.

Первые заморозки всегда были непредсказуемы, но в этом году все было как-то... отчаяннее, чем раньше.

Что-то должно было случиться.

Глава 2

Днем, сойдя с автобуса у сквера в центре Бэскома, седовласый мужчина принялся в смятении оглядываться по сторонам, задаваясь вопросом, каким образом он дошел до такой жизни.

Обычно в своих странствиях ему всегда удавалось на шаг опередить холода, подрабатывая там и сям на ежегодном пути с севера во Флориду. Там зимовала уйма кочевых циркачей. Главным образом это были люди старой закалки, как и он сам, которые никогда не ностальгировали о «добрых старых временах».

Но сейчас ему требовалось по-быстрому подзаработать, поэтому он и сделал здесь остановку. На слишком жирный куш рассчитывать не приходилось, но на несколько месяцев должно было хватить. В этом году дела у него шли нелучшим образом. В его списке оставалось все меньше и меньше народу, да и, по правде

говоря, он уже порастерял былую хватку. Когда-то он был способен так виртуозно шантажировать людей, что после всего они оставались в полной уверенности, будто отдать ему деньги было их собственной идеей. Но теперь у него просто больше не лежало к этому сердце.

Так, кажется, говорят в подобных случаях.

Он, впрочем, был практически уверен, что никакого сердца у него уже давно нет. Лишь возбуждение после очередного удачного предприятия заставляло кровь бежать по его жилам, но все чаще и чаще он занимался делом без огонька, скорее по инерции. В последний раз, как ему помнилось, это давным-давно сгинувшее сердце билось, когда его, восьмилетнего, бросила мать, Невероятная Зельда Залер, Заклинательница Змей из Песков Сахары. На самом деле звали ее Рути Снодерли и родом она была из крохотного городка Джук в Западной Виргинии, от которого до песков Сахары было приблизительно как до Луны. Она не была ни красивой, ни доброй, но он любил ее. Под толстым, как штукатурка, слоем грима лицо ее покрывали оспины, но он по ночам восхищенно смотрел на нее из своей кровати и воображал, что ее шрамы – это созвездия, зашифрованная карта, указывающая путь в далекие счастливые края. У нее был резкий выговор уроженки сельской местности, и даже сейчас порой, когда он слышал где-нибудь этот специфический аппалачский говорок, его охватывала смутная тоска по тому, чего он никогда не знал: по дому.

Он опустил свой чемодан на землю. Станный он был какой-то, этот городок в Северной Каролине. Посреди сквера красовалось гигантское серое изваяние в виде головы, наполовину ушедшей в землю. В одном глазу у цементного истукана держался монокль, а волосы неведомый скульптор изваял так реалистично, что даже следы от расчески казались настоящими. Он вздохнул, думая, что зря, наверное, все это затеял. Если бы он не вбухал уже столько сил в свое расследование, он, честное слово, сел бы на следующий же автобус и отправился прямиком во Флориду. Может, ему даже удалось бы устроиться работать на зиму куда-нибудь в «Тако Белл»[1 - «Тако Белл» – американская сеть ресторанов быстрого питания.].

Великий Бандити, работающий в «Тако Белл».

Нет, это было уже слишком даже для него.

Что ж, тогда за дело. Нужно было найти Пендленд-стрит.

Он обернулся и заметил на другой стороне улицы девочку-подростка. Длинные темные волосы, внимательный взгляд. Она стояла и смотрела на него. Далеко не каждый способен был так долго кого-то разглядывать и не казаться при этом грубым. Чересчур наблюдательна, заключил он быстро. И улыбнулся, чтобы расположить девочку к себе.

– А не подскажете ли вы мне, случайно, – обратился он к ней, – в какой стороне Пендленд-стрит?

Она махнула рукой в западном направлении. Поблагодарив ее, он взял свой чемодан и поспешил прочь. В глазах некоторых лучше быть загадкой. Действовать под шумок – всегда лучший выход в непонятной ситуации. Это вам скажет любой мало-мальски приличный фокусник.

Без труда он отыскал нужную улицу и медленно двинулся вдоль натыканных в беспорядке старых домов. Что ж, место вполне приличное. Впрочем, едва ли получится вытянуть больше денег, чем он первоначально рассчитывал.

Он еще не знал, где заночует. Такие вещи он никогда не планировал заранее. Частенько он устраивался в каком-нибудь парке или в рощице. Впрочем, его старые кости уже давали о себе знать. В последнее время его все больше тянуло к удобствам. К удобным сиденьям в автобусах, к удобным кроватям, к удобным мишеням. К тому же в воздухе отчетливо ощущался холодок, и это ему не нравилось. Он передвигался недостаточно быстро, чтобы опередить холодное дыхание осени, которая неумолимо надвигалась с севера, и от этого у него немели суставы.

Пройдя примерно половину извилистой улицы, он остановился. Ноги у него уже начинали болеть, потому что, хотя туфли у него и были отполированы до такого блеска, что солнце отражалось в них яркими звездчатыми бликами, подошвы их истерлись почти до дыр и он чувствовал каждый камешек, на который ступал.

Вскинув голову, он увидел, что стоит прямо напротив дома, а на лужайке перед ним красуется большая вывеска. «ИСТОРИЧЕСКАЯ ГОСТИНИЦА „ПЕНДЛЕНД-СТРИТ-ИНН“», – гласила надпись крупными буквами.

Он бросил взгляд на табличку с адресом. От дома, где жила его теперешняя мишень, эту гостиницу отделяло всего девять номеров. Надо же, какая неожиданная удача. Кажется, фортуна решила наконец повернуться к нему лицом.

Но к дому своей будущей жертвы он не пошел – разведать обстановку сподручнее под покровом ночи, – а вместо этого направился к входу в гостиницу. Это было здание, выкрашенное в розовый цвет, с кирпично-красными ставнями. Затейливая резьба, обрамлявшая арки, была белой, как и крыльцо. Каждую ступеньку украшали не менее четырех тыкв, все разных цветов и размеров: среди них было даже несколько белых, а одна так и вовсе фиолетовая. У двери стоял вазон с букетом из засушенных метелок кортадерии. Кто-то явно не пожалел сил на эти осенние украшения.

Он открыл дверь, на которой висел венок из усыпанных желто-рыжими ягодами веток древогубца, и вошел.

Интерьер выглядел в точности так же, как и в большинстве старых домов, переоборудованных под гостиницы: много полированного темного дерева, слева гостиная, справа столовая, посередине лестница на второй этаж. Стойка регистрации располагалась в фойе при входе. Тут тоже в изобилии обнаружили тыквы, а еще композиции из засушенных веток лунника и японских бумажных фонариков. Кто-то из здешних прилежно посещал курсы флористики.

Он поставил чемодан на пол и огляделся. Сегодня вечером здесь не было ни души. Видимо, ужин здешним постояльцам не подавали. Однако наличие столовой говорило о том, что завтраки или обеды тут все же предполагались, а значит, имелась и кухня, в которую можно было незаметно наведаться. В последний раз он ел уже очень давно и успел проголодаться. Он легонько побарабанил пальцами по колокольчику на стойке и стал ждать, разглядывая фотографии на стене. На большинстве из них был запечатлен чопорного вида мужчина лет шестидесяти, пожимающий руки каким-то людям – судя по всему, местным шишкам.

Однако на звонок колокольчика из каморки за лестницей появился вовсе не мужчина с фотографией, а болезненно худая женщина, напомнившая ему одну его знакомую акробатку по имени Гретель, выступавшую в амплу женщины-змеи. На вид лет шестидесяти, волосы она красила в цвет горького шоколада, а

кожа ее была того землистого оттенка, какой бывает у человека, привыкшего ежедневно выкуривать пару пачек. Глаза у нее – вероятно, ее единственное достоинство в молодости – были почти зеленые. С первого же взгляда он все про нее понял. Перед ним стояла женщина, давным-давно осознавшая, что счастья ей не видать как своих ушей. Но, как и все разочаровавшиеся в жизни женщины, она еще верила, что оно возможно – просто не для нее.

– Чем могу вам помочь? – осведомилась она без энтузиазма.

От нее разило табаком.

Он улыбнулся ей, пристально глядя прямо в глаза. Он был старше ее на добрых два десятка лет, но знал, что все еще красив – аристократической, благородной красотой. Его серебристые волосы оставались такими же густыми, как в молодости, а глаза необыкновенного ярко-серого цвета могли загипнотизировать кого угодно. Лишь благодаря им сэр Уолтер Тротт позволил ему остаться в труппе передвижного цирка, когда его мать сделала всем ручкой. Ну, в том числе благодаря им.

– Я хотел бы снять номер.

Она подошла к компьютеру и, тряхнув мышкой, вывела его из спящего режима.

– Вы бронировали заранее?

– К сожалению, нет.

Она с раздраженным видом вскинула на него глаза:

– Сейчас сезон любования листьями. Свободных номеров нет. Мне очень жаль.

Он слегка подался вперед, демонстрируя, что отметил ее попытку накрасить губы, тем, что устремил взгляд на ее рот.

– Неужели вы не сделаете исключения для усталого путника? Я приехал издалека.

Вид у нее сделался удивленный, как будто внимание такого рода было для нее чем-то неожиданным. Неожданным, но не нежеланным. Нет, он не ошибся относительно нее. Он вообще редко ошибался.

– Моего брата удар хватит, – произнесла она, безотчетным движением скользнув рукой к воротничку белой рубашки поло, на груди которой был вышит логотип «Пендленд-Стрит-Инн».

– Но что-то подсказывает мне: вы знаете способ сделать так, чтобы он ни о чем не узнал, – отозвался он с улыбкой. Он дал ей понять, что заметил отсутствие обручального кольца, задержав взгляд на ее руке, теребившей воротничок. – Я всегда считал: самые умные люди – не те, кто всем заправляет, а те, кто позволяет им считать, будто они всем заправляют. Брат-то старший?

– Да. Как вы догадались?

– У меня тоже был старший брат.

Никакого брата у него, разумеется, отродясь не водилось.

– Тоже был придурок, да? – поинтересовалась женщина.

Это словцо сказало ему, что номер у него уже в кармане.

– Ой, лучше не спрашивайте. – Он сочувственно покачал головой. – Я такого могу порассказать!

– А я всегда рада послушать хороший рассказ. А, была не была! – махнула рукой она, снова поворачиваясь к компьютеру. – Считайте, что вам повезло. Брат обычно не допускает меня до регистрации. Говорит, портье из меня никудышный. Я могу отменить чье-нибудь бронирование. – Она пощелкала клавишами. – Вашу кредитку и документы, пожалуйста, – сказала она, вскидывая на него глаза.

– Они у меня в багаже. – Он кивнул на выдавший виды кожаный чемодан, который оставил у дверей. – Если позволите, я бы сперва поднялся к себе в номер. А карту и документы я попозже вам занесу. Хочу немного отдохнуть с

дороги.

Если это ее и насторожило, виду она не подала. Он почти не сомневался: ее давно уже не волнует, получит ее брат свои деньги или нет.

– Ваш номер шестой. Завтрак подают начиная с восьми утра, а в четыре можно выпить чая. – Она протянула ему ключ. – Только моему брату ничего не говорите.

– Буду нем как рыба, – заверил он ее. – Благодарю вас, миссис...

– Эйнсли. Энн Эйнсли. Мисс Энн Эйнсли, – подчеркнула она. – А вы...

Великий Бандити с улыбкой отвесил ей полупоклон:

– Расселл Залер, к вашим услугам.

На следующее утро Сидни Уэверли-Хопкинс сидела за кухонным столом и смотрела, как Бэй ест шоколадные подушечки и в очередной раз перечитывает растрепанный томик «Ромео и Джульетты». Она уже оделась в школу; сегодня на ней была футболка с надписью: «Переходи на сторону зла. У нас есть печеньки!»

Сидни буравила дочь взглядом, но Бэй словно ничего не замечала.

– Гхм... – нарочито откашлялась Сидни и опустила голову, пытаясь перехватить взгляд Бэй.

Тщетно.

Сидни вздохнула и встала, чтобы налить себе еще кофе. Салон начинал работу только с десяти, но ей не хотелось упускать такую возможность побыть с Бэй. Она была исполнена решимости быть рядом с дочерью, когда та наконец созреет поделиться с ней тем, что ее гложет, тем, из-за чего она в последнее время стала такой замкнутой и несчастной.

Что бы это ни было, это побуждало Бэй проводить все больше и больше времени у Клер. Но эти утренние часы Сидни уступать не собиралась. Она просто сидела рядом и ждала. Когда-нибудь Бэй обязательно понадобится ее совет. Сидни очень хорошо помнила свои собственные подростковые годы – хотя предпочла бы их забыть. Порой она начинала задыхаться, вспомнив, как все эти несколько лет жила с таким ощущением, будто идет ко дну. Она понимала, что испытывает сейчас ее дочь, пусть даже Бэй в это не верила.

Еще не рассвело, и за окошком над кухонной раковиной было темно. Сидни видела в стекле отражение Бэй рядом со своим собственным. Она покрепче затянула на талии пояс своего красного халата-кимоно. Каждый раз, когда она думала о том, что всего через несколько коротких лет ее единственная дочь станет взрослой, у нее начинало сосать под ложечкой. Было пугающее подозрение, что Бэй стоит между ней и бездной и что если дочь отступит в сторону, как ее, Сидни, затянет в эту черноту. Она всегда предполагала, что к ее теперешнему возрасту у нее будет еще парочка детей, и теперь изо всех сил старалась не думать об этом каждый месяц. Ну, если она прикинется, будто вовсе не следит за календарем, быть может, судьба решит выкинуть шутку и преподнесет ей сюрприз. Но все напрасно. В последние несколько недель Сидни практически помешалась на этой мысли: она частенько наведывалась в офис к своему мужу Генри в обеденный перерыв, а ночью набрасывалась на него, едва дойдя до постели.

До рождения Бэй ей никогда не приходилось иметь дело с детьми, и она не всегда принимала верные решения. Ей хотелось получить второй шанс. С отцом Бэй Дэвидом она прожила куда дольше, чем следовало бы. Все женщины обычно самонадеянно полагают, что уж они-то точно не из тех, кто станет терпеть побои и позволит своему ребенку жить в такой обстановке. Однако любая женщина способна удивить саму себя куда больше, нежели окружающих. Сидни не уходила: ей было просто больше некуда идти. Из родного Бэскома она уехала в восемнадцать лет, спалив за собой все мосты в огне своего протеста, потому что возвращаться не собиралась. Она ненавидела свою принадлежность к семейству Уэверли с ее репутацией, ненавидела своих ровесников-подростков, которые отвергли ее, ненавидела свою неспособность стать здесь той, кем она хотела быть. Но та, в кого она превратилась рядом с Дэвидом, тоже не была той, кем она хотела быть. Из Сиэтла и от Дэвида она сбежала, когда Бэй было пять. Она наконец-то поняла: если она так жестоко ошибалась относительно жизни за пределами Бэскома, быть может, она ошиблась и когда приняла решение покинуть Бэском.

До сих пор она иногда просыпалась посреди ночи в холодном поту, дрожа от возрожденного страха и чувствуя отголоски застарелой боли в сломанных когда-то ребрах. Дэвид все еще жив – а вдруг он отыщет здесь их с Бэй? И каждый раз ей приходилось напоминать себе, что он давным-давно умер. Десять лет тому назад. В Год, Когда Все Изменилось, как называла его Клер. Внезапная смерть настигла его в тюрьме после того, как Сидни наконец-то выдвинула против него обвинение.

Да, она наделала уйму ошибок. И ей отчаянно хотелось на сей раз все сделать правильно.

Быть может, тогда она наконец-то почувствует, что прощена.

Бэй звякнула ложкой о тарелку; вздрогнув, Сидни очнулась от своих мыслей. Отражение Бэй в окне встало из-за стола.

– У тебя сегодня последнее заседание комитета по подготовке к Хеллоуину, да? – спросила Сидни дочь, когда та подошла поставить грязную тарелку в раковину.

– Да. Но я успею вернуться вовремя, чтобы отпустить тетю Клер на ваше с ней двойное свидание. Я обещала ей посидеть с Марией.

Сидни против воли рассмеялась:

– В твоих устах это прозвучало как что-то отвратительное. Свидание! Фу! Как можно ходить на них по доброй воле! Советую тебе как-нибудь тоже попробовать. Вот увидишь, тебе понравится.

– Меня никто не зовет, – отозвалась Бэй, застегивая на молнию свою кофту с капюшоном. – Можно мне сегодня переночевать в доме Уэверли, раз уж я все равно буду сидеть с Марией?

– Если Клер не будет против. Знаешь, вовсе не обязательно дожидаться приглашения. Я имею в виду, ты можешь позвать кого-нибудь сама.

Бэй закатила глаза:

– Ага, конечно.

– Нет, в самом деле. – Сидни вытащила длинные волосы Бэй из-под кофты и уложила их вокруг плеч. – Пригласи Фина. Вы вечно болтаете друг с другом на автобусной остановке, я видела.

– Просто мы с ним два изгоя. И ничего более.

– Никакой ты не изгой. Чем чаще ты говоришь это вслух, тем больше люди в это верят. – Сидни посмотрела дочери прямо в глаза. – Как бы мне хотелось, чтобы ты увидела себя такой, какой вижу тебя я.

– Пятилеткой, у которой лучшая подружка – яблоня? – уточнила Бэй, засовывая томик Шекспира в задний карман.

– Нет.

Однако же это была правда. В глазах Сидни Бэй навсегда осталась черноволосой и голубоглазой малышкой, какой была в то лето, когда они вернулись в Бэском и поселились у Клер. Бэй часами валялась под старой яблоней на заднем дворе Уэверли, мечтая о чем-то.

– Пятнадцатилеткой, у которой лучшая подружка – яблоня?

– Бэй, прекрати, – сказала Сидни и двинулась следом за дочерью в гостиную. – Никакая эта яблоня тебе не подружка. Фин – твой друг. Рива Александер – твоя подружка. Она ведь пригласила тебя в комитет по подготовке к Хеллоуину, разве не так?

– Рива... ну, в общем, она нормальная девчонка. Но она мне не подружка. Она запихнула меня в этот свой комитет только потому, что учителя постоянно просят меня переставить парты у них в классах так, как будет лучше всего, – возразила Бэй. – Знаешь, как меня называют в школе? Бэй Фэншуй. Рива просто затащила меня в этот комитет. Она меня не приглашала.

– Потому что тебе отлично удаются такие вещи. Дизайн интерьеров – вот с чем тебе нужно связать свое будущее. Я в этом уверена. Тебе надо идти в колледж

на дизайнера, – ободряющим тоном сказала Сидни, пытаюсь донести до дочери, что школа – это не навечно.

Бэй лишь пожала плечами и взяла рюкзак, который стоял на разлапистом бежевом диване напротив камина. Когда Сидни вышла замуж за Генри и обосновалась в этом городе так прочно, как и предположить не могла, покидая его в свои восемнадцать, этот старый фермерский дом походил скорее на пещеру первобытного человека. Генри и его ныне покойный дед много лет жили одни, по-холостяцки, и не видели ничего предосудительного ни в потемневших стенах, ни в ветхих коврах с протоптанными дорожками: от входной двери в гостиную, из гостиной в спальню, из спальни в ванную, из ванной в кухню, из кухни к задней двери. Генри всю жизнь ходил по пятам за дедом. Когда в доме поселились Бэй с Сидни, они принесли с собой светлую мебель и занавески, новые ковры и желтую краску, которая искрилась на солнце. Несколько лет назад они даже отремонтировали кухню, обставив ее шкафчиками со стеклянными дверцами, сменив раковину и перестелив полы. Но если интерьер дома и изменился, то привычки Генри остались прежними. Он все так же каждый день передвигался по дому по раз и навсегда заведенным маршрутам. Только, в отличие от деда, у него не было ни сына, ни внука, который ходил бы за ним по пятам.

При мысли об этом Сидни прижала ладонь к животу.

Бэй двинулась к двери.

– Не хочу с тобой спорить, мама. Я делаю все, что в моих силах. Честное слово. И у тебя не получится мне помочь, как бы ты ни старалась. Я знаю, что тебе очень этого хочется. Но у тебя ничего не получится. Я люблю тебя.

А вот тут она ошибалась. Бэй шла ко дну. Просто сама она пока этого еще не понимала. И задача Сидни заключалась в том, чтобы не дать ей уйти под воду.

Сидни проводила дочку до двери и остановилась, глядя, как та спускается с крыльца. Солнце уже показалось над горизонтом.

– Я тоже тебя люблю, малышка, – отозвалась она.

Бэй шагала по длинной подъездной дорожке, ведущей от их дома мимо холодных и мокрых полей. Уже светало, и призрачный туман плыл над землей, не касаясь поверхности. Где-то вдали мычали коровы, которых гнали на утреннюю дойку. Это была нескончаемая однообразная работа. Как ежеутренний танец. Ее отец Генри, танцующий со своими коровами.

Когда она вышла на дорогу, Финеас Янг уже поджидал ее там. Он был длинный и худой, с белесыми волосами и светло-зелеными глазами. Его неотесанная семейка жила на другой стороне дороги, на участке, заставленном старыми автомобилями и заваленном тракторными шинами, которые они использовали вместо цветочных клумб. Янги славились своей богатырской силой. Они не гнушались никакой тяжелой работы и трудились в основном у себя на ферме.

Легенда гласила, что раз в поколение в семействе Янг рождается мальчик, наделенный еще более недюжинной силой, чем все прочие Янги, и непременно получает имя Финеас. Он становится самым сильным мужчиной в городе, и именно его все зовут, когда возникает необходимость сделать по-настоящему тяжелую работу: в одиночку поднять бетонную крышку старого колодца, сдвинуть тяжелый валун, срубить высокое дерево, когда рядом в доме спит младенец и нельзя пустить в ход шумную бензопилу.

Фина же богатырем не назвал бы никто. Несмотря на свое имя и всеобщие ожидания, он не был самым сильным мужчиной в городе. Никто не просил его ничего двигать. Он был, по его собственному определению, никчомушником. Они встречались здесь, на автобусной остановке, каждое утро с самого первого класса. Мама Бэй много лет подряд торчала на остановке вместе с ними, опасаясь оставлять детей на дороге одних. Родители Фина никогда ничего не опасались. Никому даже в голову не могло прийти задирать одного из Янгов, в особенности того, чье имя было Финеас. Классу к шестому Бэй наконец удалось убедить мать, что им с Финем ничто не грозит.

- Привет, Фин, - сказала Бэй, подходя к нему.

Дыхание стыло у нее перед лицом облачком белесого пара. Она уткнулась носом в ворот своей кофты. Они никогда не разговаривали в школе, только здесь. У них был молчаливый остановочный договор.

- Привет, Бэй.

Он знал про записку, которую она передала Джошу. Все в школе знали. Но у него хватало милосердия никогда не упоминать о ней вслух. Они стояли в уютном стылом молчании. В такое время машин на дороге почти не было.

– Значит, на завтрашней хеллоуинской дискотеке будут хорошие украшения? – неожиданно спросил Фин.

– Ну да. – Бэй с любопытством взглянула на него. – Ты пойдешь?

Он фыркнул и принялся ковырять гравий на обочине носком старого армейского ботинка, который когда-то носил его отец, погибший в Афганистане.

– Я-то? Да ни за какие коврижки. – Он помолчал, потом спросил: – А Рива Александер ведь тоже в этом вашем комитете, да?

– Да.

– Я слышал, как она говорила про еду, которую собирается принести. Это звучало так мило, – с тоской произнес Фин. – Она хорошая.

– Рива? Ты серьезно? – Бэй покачала головой, как будто он ее разочаровал. – Ну ты даешь, Фин!

– Ой, брось. Ты можешь сохнуть по Джошу Мэттисону, а Рива мне нравится не может? – Он заметил выражение лица Бэй и, спохватившись, сказал: – Прости.

– Все нормально.

Когда вытаскиваешь свое сердце из груди и выставляешь его на всеобщее обозрение, не стоит ожидать, что никто этого не заметит.

Фин издал короткий смешок.

– Можем же мы хоть помечтать о нормальной жизни, правда?

– Нет, Фин. Не можем. И не должны. Нам и так неплохо. И вообще, у нас все в полном порядке, – заявила она, вновь нацепляя маску привычного высокомерия.

В последнее время эта маска почти приросла к ней.

Раньше Бэй такой не была. Она всегда твердо знала, где ее место и кто она такая, но в последнее время она стала слишком в этом настойчивой. Временами она слышала собственные слова и сама себя раздражала. Она перегибала палку и сама это понимала. Но в последнее время ей было так трудно держать в узде свои эмоции. Она могла залиться слезами на ровном месте. Она раздражалась на мать абсолютно без всякой причины. Ей было пятнадцать лет. Отчасти это было связано с возрастом. Но не стоило забывать и о том, какое сейчас время года. Она знала: как только ударят первые заморозки, все изменится к лучшему. Она станет добрее к маме. Запишется в автошколу. А может быть, Джош Мэттисон даже влюбится в нее и все будет прекрасно.

– Я хочу жить в твоём мире, – сказал Фин.

– Что ты несешь, дурачок? – Она шутливо ткнула его кулаком. Он был такой тощий, что она словно толкнула что-то податливое, вроде коктейльной соломинки. – Ты и так там живешь.

В пятницу после уроков Бэй отправилась на последнее заседание комитета в спортзал – ультрасовременное, пугающе огромное здание, рядом с которым три остальных учебных корпуса школы Бэском-Хай казались крошечными. Несколько лет назад местный фонд содействия развитию школы менее чем за шесть месяцев собрал деньги на его строительство. Видимо, немало родителей рады были раскошелиться в память о собственных спортивных достижениях школьных лет. В воздухе висел запах свежей краски, новой резины и упущенных возможностей.

Месяц назад на самом первом заседании комитета Рива Александер поручила Бэй сделать эскиз убранства спортивного зала, затем велела ей составить список необходимых закупок, в то время как остальные девочки из комитета обсуждали свои будущие костюмы. На втором заседании Бэй делала домашнее задание по химии, пока Рива потчевала комитет описаниями еды и напитков, которые они с матерью собирались принести: слоеные пирожки в виде

узловатых сморщенных пальцев с ногтями из миндальных лепестков; большие пластиковые дозаторы для напитков с плавающими в них пластмассовыми глазами. Они все два часа просидели вокруг Ривы с ее ноутбуком, разглядывая тематические подборки картинок на «Пинтересте», откуда Рива черпала свои идеи.

За разговором об украшении зала Рива весьма прозрачно намекнула: было бы очень неплохо, если бы Бэй уговорила свою тетку Клер тоже что-нибудь приготовить для вечеринки. Рива любила еду и была бы рада часами обсуждать с Клер тонкости меню, перескакивая с флана на крем-фреш и розовую гималайскую соль. Но Бэй пришлось разочаровать Риву: ни на что, помимо леденцов, у Клер просто не хватало времени.

В прежние времена у Клер в эту пору года не было отбоя от заказов. В октябре она едва ли не каждый день обслуживала какую-нибудь вечеринку. Бэй помнила запах тыквенных пирогов, который стоял в доме Уэверли каждую осень. Клер пекла горы кленовых кексов с начинкой из фиалок и варила море орехового супа с лепестками хризантемы. Но в этом году все иначе. Когда Клер не занималась своими леденцами, она либо разговаривала по телефону, обсуждая леденцы, либо заполняла накладные на леденцы, либо упаковывала леденцы. Звонили ей даже из компаний, желающих купить «Сласти Уэверли». В глазах Бэй Клер, занятая изготовлением леденцов, была чем-то сродни идеальному креслу идеального цвета на идеальном месте в комнате – вот только сделано оно было не из того материала. А когда из общей картины выбивается такая незначительная мелочь, мало кто будет тратить силы на ее исправление.

Заказанные украшения прибыли как раз на этой неделе, так что на последнем заседании комитета предстояло их развесить. Бэй попыталась устроиться на трибуне и сделать домашнее задание, но другие девчонки постоянно дергали ее, спрашивая, что куда вешать, так что Бэй в конце концов убрала учебники и присоединилась к ним. Несколько ребят из футбольной команды – бойфренды или метящие в бойфренды – пришли с клейкой лентой, бечевкой и стремянками, позаимствованными из чулана, и с мужественным видом включились в работу.

Бэй стояла посреди спортивного зала, руководя всем происходящим, и чувствовала себя пластмассовой фигуристкой в снежном шарике, который крутится без остановки. Это было приятно. У нее в голове всегда существовал образ конечного результата, в котором все находилось в точности там, где нужно, и возможность воплотить его в реальную жизнь вызывала у нее трепет.

Когда все вокруг умолкли, она даже не сразу это заметила. Из ноутбука Ривы по-прежнему гремела музыка. Бэй любовалась диско-шаром, подвешенным к стальным балкам под потолком. На него был надет бумажный кожух, прорезанный так, что тени, которые он отбрасывал на стены, походили на темный лес. Вокруг него там и сям свисали с потолка вырезанные из блестящей бумаги летучие мыши, порхающие меж полных лун – шариков из попкорна в целлофановой упаковке, которые можно сорвать с веревочки и съесть. Наконец она с улыбкой повернула голову – и увидела, что весь комитет в полном составе тарачится на входную дверь.

Там стоял Джош Мэттисон, и от его плеч исходил дымок, видимый ей одной. Ее рука дернулась к сердцу, но она вовремя спохватилась и сделала вид, как будто собралась почесать шею.

Он тоже, похоже, пребывал в замешательстве, не понимая, почему все затихли. А потом увидел Бэй.

И кой черт ее только дернул написать эту дурацкую записку! Она трудилась над ней несколько недель. Когда в августе, в самый первый день учебного года, она увидела его в школьном коридоре, ей вдруг показалось, что вся кровь в ее жилах разом превратилась в мед. В той записке все это было изложено со всей пылкостью и искренностью, доступной Бэй. Она попыталась описать свои чувства так точно, как только могла, хотя и сомневалась, получилось ли. Она написала, что будет каждый день ждать его после уроков на крыльце школы на тот случай, если он захочет с ней поговорить, – и слово свое держала до сих пор, хотя и так с трудом успевала на работу к тете Клер. Просто ничего не могла с собой поделаться.

Как ни забавно, когда она передавала ему записку – на глазах у его друзей, что было ее первой ошибкой, – ей даже в голову не пришло, что он может ей не поверить.

К чести Джоша, он улыбнулся, стоя на пороге.

– А я-то думал, куда все подевались, – произнес он своим низким звучным голосом, похожим на прохладный ручей в темной пещере.

– Мы придем к тебе попозже. – Рива поспешно вышла вперед.

Выглядела она так, будто на ней уже был маскарадный костюм. Она обожала пышные юбки, стянутые на талии цветастыми платками вместо пояса. Глаза у нее были немного раскосые, вносящие в ее внешность какую-то экзотическую, слегка цыганскую нотку, несмотря на бледный англосаксонский колорит. В ней было что-то немного не такое, что делало ее в их тусовке белой вороной; именно на нее чаще всего почему-то ополчались девчонки и бойкотировали ее по загадочным причинам, как это часто бывает в девчачьих компаниях.

– Не хочешь тоже поучаствовать в украшении? – добавила Рива.

Но в этом предложении не было искренности: если бы она хотела, чтобы он тоже участвовал, то позвала бы его раньше. А она не стала его звать. Из-за Бэй. Джош старательно избегал встречаться с ней, и все его друзья это знали. А мнение Джоша для них немало значило. Джош был звездой школьной футбольной команды, вице-президентом своего класса и, по дружному мнению одноклассников, наиболее вероятным кандидатом на самое блестящее будущее из всех, – впрочем, некоторые предполагали, что прогнозы эти основаны исключительно на его фамилии. Но никто из них не умел разглядеть, что за видимостью благополучия, красоты и легкого характера он глубоко несчастен и это сжигает его изнутри.

– Нет, – сказал Джош. – От меня в таких делах толку мало. Я просто посижу и посмотрю.

Все изо всех сил старались вести себя как ни в чем не бывало, пытались уважить Джоша и в то же самое время не игнорировать Бэй – видимо, из опасения, что она сбежит и оставит их в затруднительном положении. Она была им нужна. На вечеринку разослали приглашения всем школам округа, так что ударить в грязь лицом было ни в коем случае нельзя. Их вечеринка должна стать самой лучшей, чтобы конкурентам оставалось только завидовать.

Но Бэй никогда бы так не поступила – никогда не сбежала бы от самой себя.

Это было так мучительно неловко, что все, и Бэй в первую очередь, вздохнули с облегчением, когда с украшением было покончено и все разошлись. За Джошем при этом тянулся шлейф гари, который развеивал ветер.

Глава 3

Из школы до дома тети Клер Бэй пришлось добираться в сгущающихся сумерках пешком: из-за заседания она пропустила последний автобус. Бежать, как это она делала обычно, спеша вовремя добраться до дома Уэверли, сегодня не хотелось, и она медленно шла по тротуару. Красные листья хрустели под ногами, она подставляла лицо последним лучам заходящего солнца и думала о Джоше. Когда она представляла себя рядом с ним, она всегда видела снег, так что, может быть, что-нибудь изменится этой зимой. Может быть, нужно просто терпеливо ждать. Бэй давно уже обнаружила: иногда на то, чтобы все встало на свои места, уходит довольно много времени, поэтому ждать она выучилась отлично. Если бы еще не эта тоска, которая временами ощущалась как самая настоящая боль! Никто не предупреждал ее, что это бывает вот так. Удивительно, как при таких условиях кто-то вообще отваживался влюбляться.

– О, привет еще раз!

За этими размышлениями Бэй как раз успела дойти до дома Уэверли. Она остановилась на тротуаре перед домом и обернулась на голос. На другой стороне улицы стоял тот самый незнакомец, которого она видела вчера в сквере в центре города, – пожилой мужчина в сером костюме. Только сегодня он был без чемодана.

Бэй улыбнулась, удивленная:

– Я вижу, вы нашли Пендленд-стрит.

– Да, нашел. Спасибо тебе.

– Вы приехали к кому-то в гости?

– По большому счету так оно и есть.

Бэй всего на мгновение отвлеклась на гирлянду, которой миссис Крановски украсила свой двор к Хеллоуину, – оранжевые огоньки, помаргивающие в кустах самшита, и на светящиеся в темноте флуоресцентные фигуры призраков в лохмотьях, которыми был обвешан клен на ее участке. Все это добро явно ждало своего часа в кладовке: даже со своего места Бэй чувствовала запах нафталина. Старенький терьер миссис Крановски Эдуард торчал в окне, неистово облаивая чужака.

Когда Бэй перевела взгляд обратно на незнакомца – прошло всего несколько секунд! – его уже и след простыл.

Эдуард умолк, озадаченный ничуть не меньше Бэй.

Она свела на переносице темные брови и медленно отступила назад, потом со всех ног побежала к дому. Оскальзываясь на влажной траве, она взбежала на пригорок и поспешила к крыльцу. Прежде чем войти, оглянулась через плечо, в глубине души почти ожидая увидеть там странного незнакомца.

В этом году первые заморозки выпали на Хеллоуин, и все, похоже, обещало быть еще более странным.

Сегодня в доме Уэверли по расписанию был день леденцов из розовых лепестков, и, хотя кухню уже закрыли на ночь, в воздухе до сих пор стоял аромат роз. Благоухало так, как будто где-то в стенах скрывался тайный сад.

На обратной стороне всех банок с розовыми леденцами были наклеены этикетки с таким текстом:

Розовая эссенция будит память

о забытой первой любви,

попробуй – и вспомнишь

предмет своих давних грез.

Бэй сделала глубокий вдох и почувствовала, как ее плечи расслабляются. И тут же вздрогнула, когда на верхней ступеньке лестницы неожиданно появилась тетя Клер. Она была в халате – видимо, приводила себя в порядок перед свиданием.

– Бэй? – спросила Клер. – Что случилось?

Бэй отошла от входной двери.

– Да ничего. Просто я второй раз за два дня натыкаюсь на одного и того же старика. Вчера он спрашивал у меня, где Пендленд-стрит.

– Это популярная улица.

– Просто он был какой-то странный. На нем был такой блестящий серый костюм, и вообще он был похож на торгового агента.

– Привет, Бэй! – воскликнула Мария, протискиваясь мимо Клер и сбегая по лестнице.

У девочки были карие глаза и кудрявые темные волосы точь-в-точь как у ее отца. Казалось, они постоянно пребывали в движении, даже когда сама Мария ничего не делала, как будто кто-то с любовью перебирал их пальцами.

– Привет, мартышка, – отозвалась Бэй, обнимая двоюродную сестричку. – Мне надо делать домашку. А тебе?

– Мне тоже.

– Идем тогда в гостиную, будем делать вместе.

Не снимая рюкзака, Бэй двинулась в гостиную, так что успела лишь краем глаза заметить промелькнувшее на лице Клер странное выражение. Кажется, этот мужчина в серебристом костюме откуда-то ей знаком.

Не успели Бэй с Марией устроиться делать домашнее задание на полу в гостиной, как появилась Сидни. Она приехала прямо с работы и, как всегда, выглядела просто сногшибательно, окутанная неизменным сладким ароматом лака для волос, точно легким облачком тумана. И снова в ее волосах, казалось, откуда-то появилось больше рыжих прядей, чем было еще с утра. Перемена была еле уловимой, но с каждым разом все больше и больше бросалась в глаза. Ее мать медленно, но верно становилась рыжеволосой. Что-то в этом духе происходило с Сидни в преддверии первых заморозков каждый год: то не поддающаяся объяснению стрижка, то странное изменение цвета. Но в этом году все было хуже, чем обычно. Снедавшее ее беспокойство усилилось. И то же самое испытывали они все, как будто всем им хотелось чего-то и было страшно, что они не смогут этого получить.

Сидни стала спрашивать, как у Бэй дела в школе; Бэй отвечала уклончиво. Сидни наконец сдалась и поднялась наверх, чтобы помочь Клер уложить волосы. По правде говоря, если бы не дар ее матери, все они ходили бы с вороньими гнездами на голове.

Следующим явился Генри и устроился ждать рядом с девочками в гостиной. Его светлые волосы еще не успели до конца высохнуть после мытья, а от кожи исходил запах мыла «Ирландская весна». Генри был славный малый, надежный, работающий и беззаветно любящий. Для них с мамой он был опорой, несокрушимой, точно скала. Генри был приемным отцом Бэй – и единственным, которого она по-настоящему знала в своей жизни. Своего родного отца она лишилась много лет назад и теперь едва помнила; со временем его образ в ее памяти все бледнел, выцветая по краям, точно старый факс. Ее мама, очень старавшаяся все исправить, никогда не говорила о нем – из тех же соображений, по которым не оставляла попыток заставить Бэй больше выходить в люди и быть более общительной, не такой Уэверли. Она пыталась заглядить свою вину в том, в чем ее вины не было. Иногда Бэй хотелось обнять ее и сказать, что все в порядке. Но это пошло бы вразрез с ее собственным стремлением избегать разговоров с матерью – стремлением настолько упорным, что порой оно ставило в тупик ее саму.

Когда взрослые ушли, Бэй разогрела в микроволновке готовый замороженный обед (последнее время они стали появляться на столе в доме Уэверли с пугающей регулярностью), и они с Марией, болтая, принялись за еду. Все рассказы Марии вертелись главным образом вокруг ее новой лучшей подружки Эм. Судя по всему, познакомились они только на этой неделе, но для Марии она

уже успела стать целым миром. Мария была таким нормальным ребенком – абсолютно нормальным ребенком, со скобками на зубах, с грязью под ногтями, с блестящими глазами. В их семействе это было диковинкой. Порой Бэй думалось, что Мария должна была бы родиться у ее мамы, тогда как матерью Бэй следовало бы стать Клер. Это было бы куда логичнее. И все были бы счастливы. Ее мать получила бы нормальную дочь и не переживала бы, что над ней будут смеяться, а Клер получила бы кого-то, кто был бы похож на нее, кого устраивало быть белой вороной, кто считал это определяющей частью своей личности.

Когда ближе к ночи Мария уснула на диване в гостиной, Бэй отложила в сторону книжку, которую читала. Само собой включилось отопление. Дом, точно зябкая старуха, терпеть не мог холод. Бэй осторожно переложила ноги Марии со своих коленок и, взяв со спинки дивана свою кофту, пошла на кухню. Оттуда она через заднюю дверь вышла во двор и, перейдя подъездную дорожку, очутилась у калитки в сад. Отыскав в потайном местечке в ветвях жимолости спрятанный ключ, она вошла в сад и прикрыла за собой калитку. Девятифутовая изгородь, оплетенная жимолостью, была толщиной со стену. Из-за того что яблоня стояла голая, никакие растения в саду тоже не цвели, даже розовые кусты, которые по-прежнему утопали в цвету повсюду в городе, розовыми и пурпурными пятнами разбавляя зелень бабьего лета.

Питающиеся от солнечных батарей фонари горели ровным желтым светом, пунктиром прочерчивая в темноте тропинки, ведущие в дальний конец участка, где росла яблоня.

Невысокое дерево едва достигало макушкой вершины изгороди, но ветви, длинные и раскидистые, напоминали лозы. Эта старая яблоня была отдельным существом, личностью, силой, влияющей на всех Уэверли, которые когда-либо жили в этом доме. Местная легенда гласила: если съесть ее яблоко, увидишь самое главное событие в своей жизни. Клер как-то раз сказала Бэй: сам факт того, что кто-то хочет увидеть главнейшее событие в своей жизни, означает, что он не видит и не ценит того хорошего, что происходит в его жизни каждый день, поэтому калитку она держала на замке, а сад был обнесен остроконечной изгородью, чтобы никто не мог проникнуть внутрь. Что же до самих Уэверли, все они очень кстати от рождения терпеть не могли яблоки, так что искушение откусить кусочек их никогда не посещало. Бытовала одна древняя поговорка, которую до сих пор нет-нет да и можно было услышать в городе: «Уэверли знают, где найти правду, да только она им не по вкусу».

Подойдя к дереву, Бэй коснулась ладонью корявого ствола. Сучки и складки на его коре всегда казались ей загадочной картой неведомых краев. Она опустила на побуревшую траву и, запрокинув голову, устремила взгляд сквозь голые ветки на месяц, похожий на висящее в ночном небе черно-белое надкушенное печенье.

Бэй приходила сюда, когда ей нужно было подумать. Так повелось с ее пяти лет, с того самого дня, когда она впервые приехала в этот городок и поняла с полной уверенностью, что очутилась дома. Только она и ее дерево. Едва стоило ей оказаться здесь, в саду, как она начинала лучше себя чувствовать.

Она стала думать о том, как ей хотелось бы, чтобы Джош Мэттисон любил ее так же сильно, как ее папа любит ее маму, а ее дядя – ее тетю. Сестры Уэверли вышли замуж за мужчин настолько же земных и обычных, насколько сами они были не от мира сего. Мужчины их жизни любили своих избранниц, как астрономы любят звезды, любили то, что они собой олицетворяли, отдавая себе отчет в том, что никогда не смогут до конца понять своих жен.

– Как жаль, яблоня, что ты не можешь сказать, что мне делать.

Бэй показалось, что она заметила в ветвях какое-то еле уловимое движение, легчайший трепет – так, бывает, дрогнут во сне ресницы.

Наверное, яблоне тоже было жаль.

Расселл Залер опоздал к вечернему чаю в «Пендленд-Стрит-Инн», но сделал это намеренно. Он предпочитал лишний раз не попадаться людям на глаза, а к тому же постояльцы гостиницы все равно были не из местных и не могли поделиться нужными ему сведениями.

Когда Расселл вернулся с прогулки, за стойкой сидел хозяин гостиницы, брат Энн Эйнсли, Эндрю, собственной персоной. Энн собирала в столовой посуду после чая. При виде Расселла она широко ему улыбнулась. Зубы у нее были желтые и кривые, но она без стеснения их демонстрировала, улыбаясь, как будто ей было на это ровным счетом наплевать.

– Здравствуйте, мистер Залер. Вы пропустили чай, – сообщил из-за стойки Эндрю.

Это был тучный мужчина, но движения у него были мелкие, какие-то птичьи, локти он всегда держал плотно прижатыми к бокам, а ходил изящно, щегольски прищелкивая каблуками. Судя по тому, как он откинулся назад в своем кресле, сложив ручки на пухлом брюшке, он недавно перекусил тем, что осталось от вечернего чая.

Расселл до сих пор так и не предъявил ни карты, ни какого-либо документа, но Энн, видимо, каким-то образом уладила этот вопрос. Ее брат ни о чем не подозревал. Впрочем, Расселл вызывал у Эндрю Эйнсли явное любопытство. Вероятно, он пытался оценить, насколько тот состоятелен. За завтраком он засыпал Расселла вопросами, пытаясь решить, достоин ли он фотографии на стене. Расселл скормил ему легенду, которую рассказывал большинству: он – удалившийся от дел бизнесмен из городка Бьют в Монтане, в Бэском приехал на отдых. Если кому-то приходило в голову поинтересоваться, в чем заключался его бизнес, он неизменно отвечал, что в прошлом владел фабрикой, которая выпускала пружинки для бельевого прищепок. После этого большинство спрашивающих теряли к нему всякий интерес.

– Я гулял по городу и так залюбовался здешней прелестной архитектурой, что совершенно забыл о времени, – ответил Расселл. – Особенно мне понравился один дом. Такой желтый, с башенкой, что стоит на пригорке.

– А, дом Уэверли, – пренебрежительно взмахнул руками Эндрю. – Из окрестных домов он был построен самым первым. Пендленд-Стрит-Инн, наш семейный дом, построил мой прапрадед – всего-то на семь лет позже. Наш дом до сих пор сохранил первоначальные....

– Уэверли, – перебил Эндрю Расселл, не дав ему оседлать любимого конька. – Эта фамилия кажется мне знакомой.

Эндрю нахмурился:

– Да, они вообще странные. И держатся обособленно.

Тут зазвонил телефон, и Эндрю, закричав, потянулся снять трубку.

Расселл заметил, что Энн, собиравшая со столов последние тарелки и чашки, украдкой подает ему какие-то знаки, и последовал за ней через темную, украшенную многочисленными кружевными салфетками столовую в маленькую кухню. Центр ее занимал массивный дубовый стол, усеянный крошками и мукой: судя по всему, именно за ним Энн готовила сладости и закуски к чаю.

В животе у Расселла заурчало. Хотя за завтраком Энн, пока никто не видел, заботливо подложила ему солидную добавку яичницы с беконом и ягод, с тех пор во рту у него не было маковой росинки.

Этот обильный завтрак был прямым следствием прошлой ночи. Решив, что все в гостинице уже уснули, Расселл потихоньку прокрался на первый этаж. Избегая наступать на скрипучие ступеньки и разошедшиеся половицы – их расположение он автоматически отметил еще до этого, – в поисках какой-нибудь снеди он отправился на кухню, но обнаружил там Энн. Она стояла в темноте у приоткрытого окна и курила в щелку.

Услышав его шаги, она обернулась и включила свет.

Именно на такой случай – а Расселл никогда не сбрасывал со счетов ни одного возможного варианта развития событий – он предусмотрительно позаботился накинуть поверх старой прохудившейся пижамы тяжелый шелковый халат в индийских огурцах, подпоясанный золотистым витым кушаком с кистями на концах. В этом халате он выглядел старомодно элегантно. В нем он выходил на арену в роли Великого Бандити после того, как первоначального Бандити настигла гибель при загадочных обстоятельствах. Возможно, он перебрал спиртного и расшиб голову о камень в поле на северо-западе Арканзаса. А может, в этом ему поспособствовали. У предшественника Расселла имелось немало врагов в цирковых кругах. Расселл принадлежал к числу множества мальчиков, которых тот безлунными ночами приводил к себе в трейлер, чтобы там проделывать с ними такие вещи, вслух о которых говорить никто не отваживался.

Вчера вечером, столкнувшись с Расселлом на кухне, Энн соорудила ему легкий ужин из салата, сыра и пива. В обмен на это он угостил ее историей о том, как однажды у него на глазах взорвался лоток, с которого в их передвижном цирке торговали колбасками. На запах жареных колбасок сбежались все дикие кошки и бродячие собаки в городе. Их были сотни, так много, что город погряз в них,

как в песке. Горожане не знали, что делать. Расселл рассказал Энн, что ему в голову пришла гениальная идея огородить территорию цирка и превратить ее в заповедник. И по сей день, сказал он, ребяташки всех возрастов приходят в заповедник, чтобы поиграть с собаками и погладить кошек.

Эта история, разумеется, была чистой воды выдумкой. Нет, конечно, некоторая доля правды в ней имелась. Лоток с колбасками в самом деле взорвался у него на глазах, но произошло это в результате того, что растопленный жир попал в жаровню, когда он пытался стащить колбаску.

Впрочем, Энн, похоже, не особенно интересовало, правда это или вымысел.

У него было такое чувство, что она уже давно перестала ожидать правды.

Сейчас, когда Расселл последовал за ней на кухню, Энн улыбнулась, сгружая расписанные розовыми цветами чашки в раковину.

– Я приберегла для вас пару сэндвичей и кое-какую выпечку, – сказала она, вытирая ладони о джинсы, и извлекла откуда-то из-под разделочного стола тарелку, накрытую белоснежной полотняной салфеткой. – А не то Эндрю съел бы все, что осталось.

Жестом заправского фокусника она сняла салфетку. Под ней оказалось несколько треугольных сэндвичей на кусочках поджаренного хлеба, с которых были срезаны корки, пара маленьких аккуратных сконов и птифуры. Что-что, а готовить, похоже, Энн умела неплохо.

– Благодарю вас, Энн, – сказал он и с легким поклоном принял из ее рук тарелку, словно это был какой-то драгоценный дар.

Ей это явно понравилось.

– Идемте со мной, – сказала она, открывая кухонную дверь, украшенную кружевной занавеской.

Она вывела его во дворик и двинулась вдоль дома за угол. Вскоре они очутились вдали от окон, в маленьком закутке, образованном тепловым насосом и

деревянной шпалерой, служившей опорой розовому кусту. Там обнаружили два дешевых пластмассовых кресла для пикников.

- Пока солнце не сядет, на улице еще достаточно тепло, чтобы можно было посидеть спокойно. Эндрю никогда не приходит в голову искать меня здесь.

Расселл сел в кресло. Энн заняла второе, явно появившееся в ее убежище совсем недавно. Чести посетить его определенно удостаивались не многие. Наверное, Расселлу следовало бы почувствовать себя польщенным. Впрочем, для этого нужно было иметь сердце.

- Я слышала, вы спрашивали об Уэверли, - заметила Энн, вытаскивая из-под перевернутого цветочного горшка пачку сигарет и зажигалку.

- Да, - сказал Расселл просто.

- Эндрю не любит о них говорить. Он считает, что на их дом обращают слишком много внимания. Вдобавок Клер Уэверли что-то вроде местной знаменитости, в особенности с тех пор, как про нее написали в журнале. Эндрю многие годы пытается этого добиться. Он все время говорит: «Со странными людьми невозможно тягаться. Они все равно выигрывают», - сказала Энн, закуривая. - Но я расскажу вам все, что вы хотите о них знать. - Она сделала паузу, чтобы выпустить струю дыма. - Но сперва расскажите мне еще какую-нибудь из ваших историй.

Расселл откинулся на спинку кресла и отправил в рот птифур.

Это была весьма скромная плата.

- Как-то раз, когда мне было двенадцать лет, я спас от банкротства целый город. Это было в штате Небраска, в Неро, я шел по своим делам мимо аттракционов, как вдруг увидел, как полицейские гонятся за человеком, который тащит огромный мешок с деньгами. Он только что похитил его из городского банка, и это были все их деньги. Из мешка на ходу летели купюры. Большинство народа кинулось подбирать деньги. Но не я. Я ел сахарную вату, но бросил ее на землю, подбежал к будке тира и схватил ружье. Я знал, что прицел специально сбит, чтобы никто не мог выиграть приз, поэтому прицелился выше, чем надо было, и прострелил грабителю коленку, так что он рухнул как

подкошенный. Город устроил парад в мою честь, а хозяин цирка объявил, что я могу бесплатно целый год каждый день есть сахарную вату.

– Неплохо, – произнесла Энн с улыбкой, сделав очередную затяжку. – Я почти убеждена, что вы сами в это верите.

– Вы меня убиваете. Неужели я стал бы выдумывать?

Энн фыркнула, и он улыбнулся ей в ответ.

В реальности сэр Уолтер Тротт однажды выгнал одного из цирковых работников из своего трейлера, хорошенько отходив его стеклом, после того как узнал, что тот регулярно запускал руку в кассу. Работник обратился в бегство, сшибая все на своем пути и расталкивая людей. Расселл под шумок стащил несколько десятков кулчков сахарной ваты и, спрятавшись за будкой тира, слопал все до единого. Потом ему было очень плохо, но он до сих пор считал тот день одним из лучших за все свое детство.

Он и сам не знал, почему просто не рассказал Энн правду. Никакого вреда от нее никому бы не было.

Почему-то о том, что было на самом деле, рассказывать труднее всего.

Клер с Тайлером, Сидни и Генри вышли из студенческой галереи последними. Автором торжественно открытой у них на глазах выставки был студент, удостоившийся высокой чести изваять скульптуру, которая в этом году украшала сквер в центре Бэскома – ту самую наполовину ушедшую в землю голову основателя Орионовского колледжа. Все скульптуры, выставленные в тот вечер в галерее, были объединены одной и той же темой: лицо Горация Дж. Ориона, скрытое в букете цветов; рука Горация Дж. Ориона, появляющаяся из книги; Гораций Дж. Орион, запутавшийся в длинной пряди женских волос, – эта скульптура, по-видимому, была призвана отразить тот факт, что основан Орионовский колледж был как школа для женщин.

Гораций Дж. Орион намного опередил свое время. На рубеже двадцатого века в Бэскоме появилось женоподобное создание с высоким голосом и чисто

выбранным лицом; его сопровождал загадочный друг мужского пола, к которому он обращался не иначе как «любовь моя». Пламенный борец за права женщин, Гораций употребил бо́льшую часть своего семейного состояния на постройку колледжа для женщин в их маленьком городке в северокаролинской глуши – как прибежище для девушек со всех концов света, которые хотели учиться. Многие годы спустя, после его смерти, гробовщик, готовивший тело к погребению, был вполне объяснимо изумлен, обнаружив, что под именем Горация Дж. Ориона на самом деле скрывалась женщина, некая Этель Кора Хамфриз. Выросшая в семье махровых узколобых женоненавистников, она твердо решила, что на ней ее род и закончится, но, прежде чем это случится, она сделает все, что будет в ее силах, для представительниц своего пола. И как утверждалось во множестве студенческих курсовиков, жизнь в мужском обличье была единственным способом сделать это.

После того как свет в студенческой галерее выключили и беднягу Горация наконец оставили в покое, Клер с Тайлером, Сидни и Генри решили прогуляться по территории старого кампуса с его кирпичными башенками и настенными росписями. Спорт не входил в число преподаваемых в Орионовском колледже дисциплин, поэтому пятничные вечера студенты проводили на главном дворе, поглощая произведения учеников кулинарных курсов или наблюдая за звездами в казенные телескопы.

Сестры шагали впереди, Тайлер с Генри слегка от них отстали. У долговязого преподавателя искусств и более приземистого и мускулистого молочника было не слишком много общего, помимо их жен, но этого им было вполне достаточно. Иной раз один крупный интерес связывает крепче десятка мелких. Они частенько выбирались куда-нибудь сугубо мужской компанией: то Генри заезжал в колледж пообедать с Тайлером, то Тайлер заглядывал на ферму после работы. Когда Клер интересовалась, о чем они говорят, Тайлер неизменно отвечал: «Обо всяких мужских делах». Ей очень хотелось бы думать, что под этим он подразумевал электробритвы, потные носки и, возможно, гольф, но она была почти уверена, что «мужские дела» означали «ты и Сидни».

– Спасибо, что разрешила Бэй сегодня переночевать у тебя, – сказала Сидни, на ходу беря Клер под руку.

Она сегодня выглядела просто ослепительно в расшитом бусинами темно-синем платье: точно такой наряд какая-нибудь миниатюрная холеная домохозяйка шестидесятых годов могла бы надеть на коктейльную вечеринку. Волосы она

уложила во французский узел, а газовый голубой шарф соскользнул у нее с плеча и колыхался в воздухе за спиной. Волосы Клер были подстрижены под аккуратный боб, а платье на ней было красное в цветочек – она одолжила его у Сидни, но на ее высокой фигуре оно выглядело самую чуточку коротковатым и чересчур обтягивающим. Клер давно смирилась с тем, что ей не досталось хрупкости и голубых глаз, которые отличали большинство женщин Уэверли. Сама она была высокая, темноглазая и с пышными формами, унаследованными, видимо, по линии отца, которого никогда не знала.

– Ты же знаешь, меня это нисколько не обременяет. Это я должна сказать ей спасибо за то, что согласилась присмотреть за Марией, – отозвалась Клер.

Эта возможность вырваться куда-то, выпить и расслабиться была ей совершенно необходима. И все же мысли Клер постоянно возвращались к делам, которые ждали ее дома, к тем побочным обязанностям, которые не имели никакого отношения к собственно изготовлению леденцов: деловым письмам, которые необходимо было отослать, этикеткам, которые нужно было распечатать, коробкам, которые следовало разложить, заказам, которые требовалось отследить.

– Мне просто не терпится оказаться дома только вдвоем с Генри, – ухмыльнулась Сидни.

Клер оглянулась через плечо на их мужей, идущих следом. Интересно, Генри был в курсе того, что задумала Сидни? Скорее всего, нет. Ее сестра в последнее время стала очень скрытной.

– Может, сегодня у нас наконец-то получится...

Сидни умолкла, не договорив. Клер поняла, что она имела в виду. Оно накатывало и отступало циклами, но никогда не отпускало полностью – желание Сидни иметь еще детей. Не сразу, лет, наверное, через пять жизни в Бэскоме, замужем за Генри, в любви и благополучии, Сидни наконец смогла поверить, осознать, что она вернулась насовсем. А с этим осознанием пришло и желание сделать эту жизнь еще более стабильной, более укорененной, еще прочнее закрепиться здесь. Как будто ей вдруг стало страшно, что она снова сможет сорваться с места и никогда больше не вернуться – по примеру их матери.

– Очень даже может быть, – согласилась Клер. – Кстати, мне ужасно нравятся твои рыжие волосы.

– Спасибо. Они сами. Я ничего не делаю, а в них становится все больше и больше рыжины.

– Ты должна рассказать Генри, что ты затеяла, – вполголоса произнесла Клер. – Он все равно рано или поздно поймет, к чему были твои рыжие волосы и все эти ваши ночи наедине. И расстроится, что ты не пришла с этим к нему.

Склонность к таинственности была у женщин Уэверли в крови. Мужчины, которых они выбирали, никогда не могли рассчитывать на их полную откровенность. Тайлер, муж Клер, относился к этому с безграничным терпением, помноженным на добродушное отрицание всего, что не укладывалось в рамки обыденности. С Генри же дело обстояло совершенно иначе. Во-первых, он родился в Бэскоме. А во-вторых, он был Хопкинсом. Все мужчины Хопкинсы появлялись на свет со старыми душами. Служить для других опорой было у него в крови.

– Знаю. Я обязательно расскажу, – прошептала Сидни в ответ. Когда они дошли до парковки, она переменяла тему и спросила: – Ты же не позволишь ей завтра работать, правда? В ее возрасте по субботам нужно развлекаться.

– Не волнуйся. Я выгоню ее из кухни, – заверила сестру Клер, хотя никогда не понимала, почему Сидни против того, чтобы Бэй проводила время в доме Уэверли.

Однако спорить с сестрой ей в голову не приходило. Материнство – нелегкая ноша и без желающих осудить, не зная всей подоплеки. К тому же и в материнстве сестры были настолько же разными, насколько и в жизни. Их собственная мать бросила дочерей, появившихся на свет от неизвестных отцов, здесь – на попечение страдающей агорафобией бабки Мэри. И обе они – и Клер, и Сидни – методом проб и ошибок учились жить со своими детьми, не имея никаких собственных знаний о том, как это делается. Сам факт того, что Сидни хотела пройти через это еще раз, делал ее в глазах Клер такой отважной!

– И из сада тоже, – добавила Сидни.

- И из сада тоже.

Сидни покачала головой:

- Готова поспорить на миллион долларов, она сейчас там, у этой яблони.

- И ты бы выиграла этот спор.

- Она ведь справляется, правда? - спросила Сидни.

- Мне кажется, отлично справляется. Бэй понимает себя. И принимает. Ее не волнует, что о ней думают другие.

- Но я хочу, чтобы ей было хорошо в школе.

- Ты хочешь, чтобы она была популярной, - возразила Клер. - А она не хочет быть популярной. Она просто хочет быть самой собой.

- Она ни с кем не встречается, никуда не ходит с подругами, не делает ничего такого прочего. Она не говорила тебе, ей кто-нибудь нравится?

Клер заколебалась. Ей не хотелось скрывать это от сестры, но это был секрет Бэй, а не ее собственный.

- Она пару раз упоминала одного мальчика. Лучше тебе спросить об этом ее саму.

- У тебя с Марией никогда не будет таких проблем в ее пятнадцать, - вздохнула Сидни. - Она такая общительная. Эта девочка просто копия твоего мужа.

- Я знаю.

- Тебе никогда не казалось, что наших дочерей поменяли местами при рождении, несмотря на шесть лет разницы? - пошутила Сидни.

Клер отлично понимала, что она имеет в виду. «Тебе никогда не казалось, что твоя дочь не имеет с тобой ничего общего?»

– Мне так все время кажется.

Мария совершенно не интересовалась кулинарией. Как и Тайлер, она словно не замечала, когда двери дома открывались перед ней сами собой или загадочным образом заклинивали. Если она выходила погулять, то всякий раз шла во двор перед домом, а не в сад, хотя яблоня любила девочку и, похоже, такое невнимание очень ее ранило. Летними ночами она упорно бросала яблоки в окно ее спальни. А тут еще эта ее новая подружка Эм. За пять дней Эм стала для Марии буквально всем. Эм говорила ей, какие книги читать и в какие игры играть, учила чистить зубы перед сном и носить исключительно розовое. Клер это сводило с ума. По ее мнению, Эм была чокнутой маленькой балеринкой, которая пахла жвачкой и питалась исключительно «Хэппимилами» из «Макдоналдса».

Однако Клер отдавала себе отчет в том, что на самом деле раздражает ее вовсе не Эм. У Клер не было времени с ней познакомиться. И она ничего не знала о родителях Эм. Зато, наверное, Тайлер знал. В последние несколько месяцев Клер была так занята «Сластями Уэверли», что Тайлер взял на себя практически все родительские обязанности. Он был в курсе всех подробностей, которыми раньше занималась Клер. Домашние задания. Родительские собрания. Имена балетных и гимнастических мамаш.

У бабушки Мэри всегда находилось время вникнуть в подробности жизни внушек. Она помнила расписание уроков. Заказывала тетради, ручки, туфли и свитеры, когда сестры вырастали из старых, и все заказы доставляли точно в срок (это было еще в те времена, когда городские магазины доставляли товары на дом). Она готовила еду, ухаживала за садом, вела свой маленький бизнес с черного хода и при этом умудрялась заботиться о девочках.

Клер всегда считала, что бабушка Мэри не стала расширять свой бизнес, не пыталась заработать больше денег по причине своей мучительной необщительности. Теперь же она начала задаваться вопросом, не потому ли бабушка не хотела, чтобы о ее рецептах стало известно большему количеству народа, что дело было вовсе не в рецептах, дело было в загадочном образе их создательницы. Именно он пользовался спросом. Закрадывалось у нее и подозрение – только подозрение, – что, возможно, бабушка Мэри не стала

расширять свой бизнес в том числе из опасения, что он помешает ей заботиться о внуках.

И это лишь усугубляло терзания Клер.

И тем не менее разве могла она сейчас пойти на попятную? Она столько сил положила на то, чтобы о ней узнали за пределами Бэскома, и теперь успех превратил ее в сороку, собирающую блестящие безделушки. Ей столько всего надо было доказать. Но будет ли этого достаточно? Сдаться, особенно теперь, когда ее одолевали сомнения, значило признать, что ее дар на самом деле всего лишь фикция, миф, зависящий от того, насколько хорошо она способна его продать.

– Эй, тебе что, нехорошо? – забеспокоилась Сидни, когда они дошли до грузовичка Генри на парковке, и Клер за все это время не проронила ни слова.

– Прости. Все в порядке, – улыбнулась Клер. – Знаешь, что мне вспомнилось вчера вечером впервые за долгое время? Инжирно-перечный хлеб. Когда я сегодня утром проснулась, я могла бы поклясться, что даже чувствую его аромат.

Сидни повела носом, как будто тоже ощущала этот запах.

– Я любила инжирно-перечный хлеб. Бабушка Мэри пекла его только в наши дни рождения. Помню, она любила повторять: «Инжир сладкий, а перец острый. В точности как вы две». Вот только она ни разу не сказала, кто из нас инжир, а кто перец.

– Инжиром была, разумеется, я, – заявила Клер.

– Ничего подобного! Инжиром была я. А ты была перцем.

Клер вздохнула:

– Я скучаю по инжирно-перечному хлебу.

– Твои леденцы тебя доконают. Тебе пора в отпуск. – Сидни обняла Клер, потом следом за Генри забралась в кабину грузовичка. – Ладно, увидимся.

Тайлер обнял Клер, и они вдвоем зашагали к его машине, припаркованной через несколько мест. Однако Тайлер почему-то не стал спешить садиться в нее, и Клер вопросительно вскинула на него глаза. Его вьющиеся волосы давным-давно пора было стричь, а его любимая гавайская рубашка под пиджаком в неоновом свете фонарей почти светилась.

– Что случилось? – спросила Клер.

Время от времени с ним такое бывало: он мог вдруг ни с того ни с сего остановиться и замечтаться. Она очень в нем это любила. Он же не переставал поражаться ее сосредоточенности. Для него в ней не было ничего магического. И не могло быть. Ее стряпня тоже не оказывала на него ровным счетом никакого эффекта. Много лет назад, когда им случалось спорить, она пыталась накормить Тайлера зажаренными в масле цветками лука-резанца, потому что бабушка Мэри всегда говорила, что цветки лука-резанца способны обеспечить тебе победу в любом споре, однако же на него они, кажется, совершенно не действовали.

Тайлер кивнул в сторону грузовичка Генри:

– Жду, когда Генри заведет мотор. Думаешь, что-то не так? Он рассказывал мне, как подготовил свой грузовик к зиме. Я про такие вещи никогда не слышал. Может, он что-нибудь сделал неправильно.

Клер оглянулась на пикап Генри. Окна его начинали потихоньку запотевать, а изнутри исходило бледно-фиолетовое сияние.

– Все в порядке.

– Погоди, – встрепенулся Тайлер. – Они там что, решили заняться...

– Вуайерист несчастный, – поддразнила его Клер, плюхаясь в машину. – Хватит подглядывать.

Тайлер уселся за руль и ухмыльнулся, глядя на нее:

– Мы с тобой могли бы составить им достойную конкуренцию.

– С риском попасться на глаза кому-нибудь из твоих студентов? Нет уж, спасибо. Прекрати! – отмахнулась она, когда он потянулся к ней. – Поехали домой.

Он на миг задумался, потом кивнул:

– Домой так домой. Ладно. – Он завел двигатель. – Но предупреждаю, теперь у меня обширные планы на вечер.

– О нет, – с улыбкой отозвалась Клер. – Только не это.

Дорогу, ведущую из кампуса, обрамляли деревья гикори; листва их была такого ярко-желтого цвета, что они горели как огонь, словно вдоль дороги были натканы гигантские факелы. Клер откинулась на подголовник; Тайлер вел машину, положив одну руку ей на колено. Все дома в городе были уже полностью украшены к Хеллоуину – одни попроще, другие изобретательнее. На каждом крыльце горели резные тыквы-фонарики. Ветер кружил красные и желтые листья. Клер не слишком любила эту пору года, но признавала ее великолепие. Осенью весь мир коричневел и словно поджаривался до тех пор, пока не становился настолько нежным, что, словно мясо, начинал отходить от костей.

Перестань так тревожиться, твердила себе она. Это все осень, это из-за нее все эти переживания, все эти сомнения. До первых заморозков оставалось уже всего ничего. Если ей удастся дотянуть до них без больших потрясений, все будет в порядке. Она была уверена в этом: все встанет на свои места и снова пойдет по накатанной.

Тайлер завернул и поехал по Пендленд-стрит с ее петляющими изгибами, неровными тротуарами и уходящими под уклон дворами. Клер вдруг вспомнилось, как бабушка Мэри осенними утрами водила их с Сидни в школу по этой улице. С возрастом Мэри стала тревожной и терпеть не могла надолго отлучаться из дома. Она крепко держала обеих девочек за руки и успокаивала себя, рассказывая им, что? приготовит к первым заморозкам в этом году – свиные медальоны с настурцией, картошку с укропом, тыквенный хлеб, кофе из цикория. И кексы, разумеется, с разноцветной сахарной глазурью, искрящейся, точно изморозь, ибо какие же заморозки без изморози? Клер очень любила все

это, Сидни же слушала лишь тогда, когда бабушка заводила речь про глазурь. Карамельную, розово-фисташковую, шоколадно-миндальную.

Клер откинулась на спинку кресла, пытаясь удержать выветривающийся уже хмель от выпитого вина, и принялась прикидывать, что приготовила бы к первым заморозкам в этом году, если бы у нее было время. Инжирно-перечный хлеб, потому что он никак не выходил у нее из головы. (Разумеется, инжиром была она. Сидни определенно была перцем.) И тыквенную лазанью, может быть, даже с цветками, вдавленными в свежие пластинки из теста перед тем, как отваривать. А еще...

Она даже выпрямилась в своем кресле, когда вдруг снова увидела его. Того самого старика у дороги. И на этот раз она успела разглядеть не только его серый костюм. Она увидела его кожу, его глаза и слабую улыбку на губах. Он стоял на углу, засунув руки в карманы, как будто неторопливо прогуливался.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

«Тако Белл» – американская сеть ресторанов быстрого питания.

Купити: https://tellnovel.com/allen_sara/pervye-zamorozki

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)